

Марина ДАРМАРОС

ЖОРЖИ АМАДУ И СССР. ЗАМЕТКИ К ТЕМЕ*

Аннотация: До 1956 г. к творчеству Жоржи Амаду в Советском Союзе относились весьма благожелательно как в высшем руководстве, так и в среде интеллигенции, причастной к публикации литературных произведений. В условиях централизации в Советском Союзе ни рынок, ни торговля не играли определяющей роли для принятия таких решений. Решения вырабатывались в ходе предварительного идеологического отбора; в силу этого в настоящем исследовании понятие «гейткипер» (англ. Gatekeeper – привратник, швейцар) играет ключевую роль. В данной статье показано через анализ архивных документов и других источников, как события после 1956 г. стали причиной сомнений по поводу издания Амаду в СССР. Статья отражает лишь малую часть работы, которую автор провел в российских и бразильских архивах и хранилищах документов в рамках подготовки докторской диссертации, посвященной советским контактам Жоржи Амаду, и, соответственно содержит только некоторые эпизоды, относящиеся к теме, уместные для формата данной публикации.

Ключевые слова: бразильско-советские литературные связи, Жоржи Амаду, СССР, бразильская литература, архивные материалы, гейткипинг, переводоведение

© 2018 Марина Фонсека Дармарос (магистр международной журналистики; аспирант Университета Сан-Пауло, Бразилия) marinadarmaros@gmail.com

* Статья написана при поддержке Координационного совета по повышению квалификации кадров с высшим образованием – Бразилия (CAPES) – Финансовый код 001. Приношу огромную благодарность моему другу и журналисту Павлу Юрьевичу Голубу за помощь с переводом этой статьи на русский язык, а также моему научному руководителю Елене Николаевне Васиной и Дмитрию Павловичу Голубу, которые постоянно оказывали мне всестороннюю помощь при подготовке материалов.

Marina Fonseca DARMAROS

JORGE AMADO AND THE SOVIET UNION.
NOTES ON THE TOPIC.*

Abstract: The situation in the USSR before 1956 was quite favorable for the publication of Jorge Amado's works both on the part of the higher echelons of power, and on the part of literary institutions and the *intelligentsia* that could choose and recommend foreign writers. With the editorial centralization in the Soviet Union, neither the market nor sales defined publishing decisions, but the prevailing ideology; therefore in the present study the concept of gatekeeper plays an important role. The paper analyses through archival documents and other sources the reasons why the post-1956 events provoked much uncertainty and doubts concerning the publication of Amado's works. This article presents a very small part of the research carried out by the author for her doctoral thesis in several Russian and Brazilian archives on Amador's Soviet contacts, and is therefore a selection of episodes made to fit in the format of this publication.

Keywords: Soviet-Brazilian literary contacts, Jorge Amado, Soviet Union, archival documents, Brazilian literature, gatekeeping, translation studies.

© 2018 Marina Fonseca Darmaros (Master in International Journalism; PhD candidate, Department of Russian Literature and Culture, University of São Paulo, Brazil) marinadarmaros@gmail.com

* This study was partially financed by the Coordenação de Aperfeiçoamento de Pessoal de Nível Superior – Brasil (CAPES) – Finance Code 001

Marina Fonseca DARMAROS

JORGE AMADO E A UNIÃO SOVIÉTICA:
NOTAS SOBRE O TEMA.*

Resumo: O cenário do acolhimento de Amado no período pré-1956 se mostra razoavelmente favorável ao escritor brasileiro, tanto nas camadas hierárquicas mais altas do aparato, quanto entre membros da *intelliguentsia* que tinham algum papel na recomendação de autores. No presente estudo, o conceito de *gatekeeper* (do inglês, “porteiro”, “guardião do portão”) tem papel fundamental. No cenário da centralização editorial na União Soviética, nem mercado, nem vendas definiam as decisões quanto às publicações, que eram feitas seguindo a ideologia vigente – e suas variações. Neste artigo mostramos, por meio de documentos de diversos arquivos e outras fontes, como os acontecimentos pós-1956 geraram dúvidas quanto à publicação de Amado na URSS. Este artigo apresenta uma parcela ínfima da pesquisa da autora por diversos arquivos e repositórios russos e brasileiros sobre as relações do escritor com a União Soviética para sua tese de doutorado, e, assim, fez-se necessário selecionar apenas alguns episódios desta história para o formato desta publicação.

Palavras-chave: Gatekeeping, Estudos da Tradução, Literatura Brasileira, tradução, Jorge Amado, União Soviética

© 2018 Marina Fonseca Darmaros (mestra em Jornalismo Internacional; doutoranda da Universidade de São Paulo, Brasil) marinadarmaros@gmail.com

* O presente trabalho foi realizado com apoio da Coordenação de Aperfeiçoamento de Pessoal de Nível Superior – Brasil (CAPES) – Código de Financiamento 001

Жоржи Амаду (1912-2001) был одним из самых читаемых в Советском Союзе зарубежных авторов из плеяды выдающихся представителей латиноамериканской литературы, переведенных и опубликованных в СССР. Писателю не довелось жить в Москве, но его членство в Бразильской коммунистической партии с 30-х годов, его эмиграция в Париж и в Прагу 1947–1952 гг., Международная Сталинская премия «За укрепление мира между народами», которую он получил в 1951 г. (когда был вынужден покинуть Францию и обосноваться в Праге), наконец, многократные посещения советской столицы, очевидно, обеспечили уважительное отношение к нему и способствовали публикации его произведений в исчезнувшей позднее стране.

Процесс сближения писателя с СССР начался еще в 1930-е годы в ходе переписки с Д.И. Выгодским¹. Как это было в случае с Пабло Нерудой и другими левыми латиноамериканскими писателями, документальные материалы, связанные с Жоржи Амаду, отложились в московских архивах. Корпус этих документов (письма, стенограммы, телеграммы, отчеты) относится к 1934–1980 гг. и имеет решающее значение для понимания сложности задач, стоявших перед советскими цензорами, и тех причин, по которым допускались или не допускались к публикации в СССР произведения бразильского писателя.

История советских публикаций Амаду начинается с его романа «Город Ильеус», опубликованного в Бразилии в 1944 г.; в Советском Союзе он вышел под названием «Земля золотых плодов» четырьмя годами позже, в 1948-м – том же году, когда бразильский писатель познакомился с Илей Эренбургом в Париже во время подготовки Всемирного конгресса деятелей культуры в защиту мира в польском Вроцлаве, куда Амаду выезжал во время своей эмиграции во Францию. «Город Ильеус» стал первым изданным на русском языке романом Амаду, хотя сам автор был уверен, что его более ранние произведения «Какао» (1933) и «Пот» (1934) уже были опубликованы в СССР. На самом деле эти романы так и не появились в русском переводе, хотя они числились в справочниках об изданиях книг писателя на иностранных языках. Сам Амаду заявлял исследователю латиноамериканской литературы Уильяму Руглу [Rougle 1984: 51], что получил заверения от одного своего советского друга, будто бы перевод сделан. Сам У. Ругл отмечает, что ни в одном совет-

---

¹ Давид Исаакович Выгодский (1893–1943), советский литературовед-испанист и переводчик. В начале 1930-х гг. он стал первым советским корреспондентом Жоржи Амаду [Беякова 2010; Rougle 1984], еще за два десятилетия до издания в СССР первого романа бразильского автора.

ском библиографическом источнике информация о публикации этих произведений не подтверждается:

Когда у меня была возможность побеседовать с Жоржи Амаду в августе 1979 года, я задал ему вопрос об этом противоречии и узнал от него, что один его советский хороший друг сообщил ему, что оба эти романа были переведены на русский. Возможно, они и были переведены, но позднее было принято решение против их публикации. [Rougle 1984: 51]

В свою очередь, исследователь Е.И. Белякова пишет: «В 1934 г. пятый номер “Интернациональной литературы” информирует читателей о выходе романов Жоржи Амаду “Какао” и “Пот”, которые характеризуются как “революционные”», – подчеркивая при этом: «...однако знакомство советских читателей собственно с творчеством Жоржи Амаду произошло несколько позже, в 1948 году» [Белякова 2010: 31].

В переписке с советскими корреспондентами Жоржи Амаду упоминает и роман «Какао». В письме от 12 декабря 1934 г. одному из крупнейших советских испанистов Федору Викторовичу Кельину², писатель дает понять, что именно Кельин обещал ему публикацию его произведений в Советском Союзе:

Добрые вести принесло мне это письмо³. Я благодарю вас за комментарии к моим книгам.

Шлю вам официальное разрешение, о котором вы пишете, на перевод моих книг.

Соответственно, я разрешаю Союзу революционных писателей перевести на русский язык и издать мои романы «Какао» и «Пот». Этим письмом Вы, Федор Кельин, получаете разрешение выдать необходимые распоряжения. Что касается автобиографии и фотографии, то я пересылаю их обычной почтой⁴.

² Федор Викторович Кельин (1893—1965), советский испанист и латиноамериканист, в 1920-е–1930-е гг. работал в ВОКСе, а позднее – в Иностранной комиссии Союза советских писателей. Во время и после Великой Отечественной войны вместе с испанским писателем-эмигрантом Сесаром Муньосом Арконадой редактировал испанское издание «Интернациональной литературы» (Literatura Internacional).

³ Жоржи Амаду отвечает на письмо Ф. Кельина от 14.11.1934.

⁴ РГАЛИ. Ф. 2555. Оп. 1. Ед.хр. 85. Перевод мой. – М.Д.

В письме Александру Фадееву от 31 августа 1948 г. Амаду упоминает о встрече с ним, состоявшейся в Варшаве, и говорит о желании приехать в Советский Союз вместе с женой. К этому он добавляет: «Хотел бы также поинтересоваться, были ли изданы “Какао” и “Пот”, о переводе которых Вы мне писали в 1935 году»⁵.

Изданий или рукописей этих переводов ни в Российской государственной библиотеке, ни в РГАЛИ, ни в запасниках Фонда «Дом Жоржи Амаду» в г. Сальвадор в Бразилии нам обнаружить не удалось. Д.И. Выгодский, открывший творчество Амаду для советских читателей, был арестован в 1938 г. по «делу переводчиков», погиб в заключении в 1943 г., и судьба переводов двух этих произведений остается загадкой.

После публикации романа «Земля золотых плодов» издательская судьба произведений Ж. Амаду в СССР складывалась благоприятно: был переведен и выпущен целый ряд его произведений. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на количество изданий бразильского автора. С 1948 г. в Советском Союзе начали активно печатать произведения Амаду: «Красные всходы» (1949), «Луис Карлос Престес» (1951, пер. Н.Я. Тульчинской), «Подполье свободы» (1954, пер. Ю. Калугина, подписанный Г.А. Калугиным), «Красные всходы» (1954, пер. Ю. Калугина), новый перевод «Земли золотых плодов» (1955, пер. И.Ю. Тыняновой, на этот раз не с испанского, а с португальского), «Бескрайние земли» (1955, пер. Ю. Калугина), не считая изданий в переводах на языки народов СССР. Кроме того, если в 1930-е гг. Амаду была посвящена лишь одна статья [Новые книги 1934: 124] и одна публикация («Автобиография») в журнале «Интернациональная литература» [Амаду 1935: 182], то с 1948 по 1955 гг. публикации о нем занимают заметное место в советской прессе⁶. В этот период в СССР вышла по меньшей мере 31 статья, посвященная творчеству

---

⁵ РГАЛИ. Ф. 631. Оп.14. Ед. хр. 1199. Л. 5. Перевод мой. – М.Д. Ответ на это послание писателя таится в недрах архивов Фонда Жоржи Амаду (г. Сальвадор, Бразилия), где он недоступен для открытого пользования.

⁶ Информация о большей части изданий книг Ж. Амаду в Советском Союзе заимствована из доклада Е.И. Беяковой [Беякова 2010] и получена автором настоящей работы при изучении советских журналов, в частности, архивов журнала «Иностранная литература». Выражаю благодарность секретарю редакции Ксении Жолудевой и переводчику, ведущей блогов «ИЛ» Светлане Силаковой за оказанное содействие.

бразильца, и 37 публикаций, автором которых был он сам, если не считать публицистических заметок и предисловий, написанных другими авторами. Затем количество публикаций о писателе резко падает. В 1956 г., однако, в советской прессе вышла всего одна статья об Амаду и одна за его авторством. В 1957 г. в журнале «Иностранная литература» появляется заметка «Экранизация романа Жоржи Амаду», где сказано: «...бразильская и итальянская печать сообщает о том, что известный кинопродюсер Карло Понти приобрел права на экранизацию романа бразильского писателя Жоржи Амаду "Мертвое море"» [Экранизация романа 1957: 280]. В 1958 г. «Иностранная литература» публикует короткий ответ Амаду на вопрос журнала о том, «какое значение [...] могла бы иметь встреча глав правительств для развития международных культурных связей» [Жоржи Амаду 1958a: 222], колонку с изложением позиции Амаду в отношении влияния зарубежной литературы на бразильскую [Амаду 1958b: 272] и краткий ответ Амаду на вопрос читателя о творческих планах [Амаду 1958c]. В 1959 г. в «Иностранной литературе» появляется заметка об успехе романа «Габриэла, корица и гвоздика» в Бразилии [Успех романа 1959: 273-274]. В 1960 г. «ИЛ» публикует небольшую колонку с изложением интервью Амаду кубинскому информационному агентству *Prensa Latina*, где он говорит об обязанности латиноамериканских писателей создавать картину исторического момента [Амаду 1960: 255], и краткое содержание «Габриэлы...», подписанное Ю. Калугиным [Калугин 1960: 251-252].

В 1961 году в советских периодических изданиях появляются лишь две статьи о Жоржи Амаду (хотя в Советском Союзе в это время вышел его роман «Габриэла...», который, по идее, надо было бы «продвигать»). Впрочем, в 1962 г., когда писателю исполняется 50 лет, количество публикаций увеличивается до девяти, и многочисленные поздравления с юбилеем могут расцениваться почти как прощение и реабилитация после «бойкота» в прессе; об это свидетельствуют и заголовки публикаций: «Далекий и близкий друг. Ж. Амаду 50 лет» [Колчина 1962], «Всегда в сражении. Ж. Амаду 50 лет» [Котов 1962], «Наш друг Ж. Амаду» [Кутейщикова 1962a], «Тепло неутомимого сердца. К 50-ию Ж. Амаду» [Кутейщикова 1962b], «Певец борьбы и свободы» [Петрушева 1962], «Пламенный борец за мир и свободу народов» [Пламенный борец 1962], «Певец Бразилии» [Тертерян 1962]. Эти публикации появляются в различных изданиях, от журнала «Иностранная литература» до газеты «Правда».

***

Советские литературные институции внимательно следили за деятельностью писателя, его творчеством, которое становились предметом горячих дискуссий, о чем можно судить по сохранившимся стенограммам. Изучение архивных материалов, связанных с бразильским писателем, позволяет пролить свет на историографию его переводов и на процесс появления и распространения произведений Жоржи Амаду в Советском Союзе.

Предметом исследований, которые мы ведем в московских архивах с 2011 г., является не восприятие творчества Амаду, что уже было блестяще проанализировано Е.И. Беляковой [Белякова 2010], а гейткипинг – то есть система критериев, по которым допускаются или не допускаются к публикации те или иные произведения, включая как самоцензуру авторов, так и государственную цензуру. Очевидно, с гейткипингом столкнулся целый ряд произведений бразильского писателя.

В настоящем исследовании понятия «гейткипинг» и «гейткипер» (англ. Gatekeeper – привратник, швейцар) играет ключевую роль. В том смысле, в котором мы используем его в нашем исследовании, этот термин начал применять в 1950-е гг. Дэвид Мэннинг Уайт для изучения факторов, определявших принятие средствами массовой коммуникации решения о публикации или отклонении тех или иных новостей. Именно в этом смысле термин «гейткипинг» стал широко использоваться применительно ко всей издательской деятельности. Что касается тех принципов, которым следовали советские издатели при принятии решений, то они были похожи на правила, описанные еще в 1943 г. социальным психологом Куртом Левином в статье, посвященной систематизации гейткипинга [Wolf 1987]. Изначально, впрочем, Левин исследовал изменение потребительских предпочтений при выборе продуктов питания и порядок принятия решений домашними хозяйствами при закупке продовольствия во времена Второй мировой войны. По его мнению, информация о продукте последовательно переходит через некоторое количество «ворот», пропуск через которые контролируется различными факторами. Препятствием для прохождения продукта могут становиться, например, психологические факторы (самоограничение или самоцензура). Разные оценки продукта на различных этапах могут вести к одному и тому же конечному результату, и те или иные люди могут выступать в роли гейткиперов на разных этапах.

Немецко-американский социолог Льюис Козер писал:

Книгоиздатели в любом обществе оказываются в самом центре процесса создания и распространения знаний. Им дано решать, что будет допущено на рынок идей, а что останется за его пределами. В Соединенных Штатах судьба издателя тесно связана с направленностью публикуемых материалов. Все большее количество производителей, полная непредсказуемость рынка и особенности собственной внутренней организации отрасли – все это влияет на общую ситуацию. Все сотрудники издательств, продавцы и другие участники рынка вносят свой вклад в распространение информации. И ключевую роль здесь играют политические взгляды издателей и их профессионализм. [Coser 1975: 14]. [Перевод мой. – М.Д.]

В условиях централизации в Советском Союзе, ни рынок, ни торговля не играли определяющей роли для принятия таких решений. Система допуска литературных произведений зарубежных авторов к публикации в СССР так или иначе замыкалась на Иностранную комиссию Союза писателей, а также на вышестоящие инстанции, в первую очередь, на цензурное ведомство – Главлит⁷; по линии самоцензуры и функционировали механизмы т. н. гейткипинга. Решения вырабатывались в ходе предварительного идеологического отбора, который проводила партия, а также участвовавшие в работе комиссий Союза писателей «представители интеллигенции»; на их позицию влияли их собственные взгляды, образование, воспитание, общественная ситуация и т.д.

Предположительно ключ к принципам отбора произведений Амаду хранится в московских архивах и может быть найден в процессе анализа материалов с помощью теории гейткипинга. Приведем пример из стенограммы заседания Иностранной комиссии Союза писателей СССР (1954), на котором «представители литературной интеллигенции» обсуждали статью В.Н. Кутейщиковой «Жоржи Амаду» «в целях использования ее как основы для сборника о прогрессивной литературе Латинской Америки». Выступая на заседании, Инна Тынянова упоминала роман «Какао»:

---

⁷ Главное управление по делам литературы и издательств – созданный в 1922 г. государственный орган цензуры.

На стр. 14-й говорится о романе «Какао» (читает). Это не лучшее из его произведений. Это первое произведение, в котором он поставил тему социальной борьбы [...], но это не лучшее произведение, ни в плане литературном, ни в плане постановки социальных проблем⁸.

Роман, как уже было сказано, в СССР опубликован так и не был. Затем, переходя к разбору «Капитанов песка», Тынянова замечает: «“Песчаный капитан” ...это одна из наиболее слабых ранних его вещей»⁹. Опубликованная в Бразилии в 1937 г., эта книга впервые увидела свет в Советском Союзе лишь в 1976-м, в двух номерах журнала «Молодая гвардия», до этого вышел лишь отрывок из 11 страниц в журнале «В защиту мира» (1952)¹⁰. Далее Тынянова высказывается о романе «Бескрайние земли», давая ему высокую оценку и рекомендуя В.Н. Кутейщиковой уделить ему больше внимания:

О «Бескрайних землях» сказано очень мало. Вы пишете таким образом [читает]. Обличительная сила романа не только в этом, но и в очень ярком показе нищеты народа, образах этих батраков. Образ Доминиана здесь очень характерен, его чувства человека, который становится убийцей. Я бы сказала об этом больше. Полуфеодалная эпоха, завоевание леса очень характерны. Здесь намечены жизненные пути этих героев и социальный путь самого какао.

«Бескрайние земли» вышли в СССР лишь в 1955 г., на 13 лет позже, чем в Бразилии – это большой срок, но не настолько долгий, как 39 лет, в течение которых пришлось ожидать публикации роману «Капитаны песка», и, к тому же, изданы «Бескрайние земли» были по рекомендации «представителей интеллигенции». Очевидно, что оценки творчества Амаду «представителями интеллигенции» были нередко тесно увязаны и с советской издательской политикой, и с позицией Главлита.

---

⁸ Обсуждение в Иностранной комиссии СП СССР статьи В.Н. Кутейщиковой «Жоржи Амаду» для сборника «Прогрессивная литература Латинской Америки» (1954). РГАЛИ Ф.631. Оп.26. Ед.хр. 4451. Л. 18–19.

⁹ Там же. Л. 19.

¹⁰ Это произведение было опубликовано в СССР после крупного успеха его экранизации в кино. См. [Darmaros 2017].

После «культы личности»: дискуссия о Ж. Амаду в Иностранной комиссии Союза писателей (1954)

Цитированная выше стенограмма – одно из документальных свидетельств, обнаруженных нами в российских архивах – интересна тем, что в ней изложены оценки творчества Амаду, данные членами Иностранной комиссии Союза советских писателей. Темой заседания, как уже говорилось, стало обсуждение статьи В.Н. Кутейщиковой (1919–2012) «Жоржи Амаду», которая должна была войти в состав сборника произведений прогрессивной латиноамериканской литературы. Будучи специалистом преимущественно по Мексике, В.Н. Кутейщикова вместе со своим мужем, латиноамериканистом Л.С. Осповатом, отвечала за продвижение так называемых прогрессивных писателей Латинской Америки в советскую литературную среду.

Среди участников дискуссии фигурируют, помимо В.Н. Кутейщиковой, другие переводчики произведений Жоржи Амаду: разведчица Н.Я. Тульчинская¹¹, жившая в 1930–1950 гг. под псевдонимом «Инесса» в Уругвае, Испании, Аргентине и Мексике, и И.Ю. Тынянова (1917–2004), дочь Ю.Н. Тынянова. Также в заседании принимали

---

¹¹ Надежда Яковлевна Тульчинская (1902–1989) работала шифровальщицей в Отделе международных связей Коминтерна, была замужем за разведчиком Абрамом Яковлевичем Гуральским (по данным исследователя М. Пантелеева (настоящая фамилия Хейфец) [Пантелеев 2005]; по данным исследователя Уильяма Ваака [Waack 1993], он был известен среди бразильских товарищей как Борис Хейфец и также использовал псевдоним Рустико. Вместе с мужем выехала в 1934 г. в Латинскую Америку, считала своим самым большим успехом вербовку бразильского левого радикала Луиса Карлоса Престеса и его вовлечение в коммунистическое движение. После возвращения в Москву Гуральский был назначен инструктором латиноамериканского секретариата Исполкома Коминтерна (ИККИ). Сведения о датах ее рождения и смерти были получены в ходе бесед автора настоящей работы с родственниками Н.Я. Тульчинской. Подробнее о ее биографии см. выше.

участие А.В. Старостин¹², К.В. Цуринов¹³, Е.М. Колчина¹⁴ и «товарищ Шур»¹⁵.

Из текста стенограммы следует, что собравшиеся на этом совещании семь специалистов-литературоведов ведут идеологический спор, в ходе которого неоднократно речь заходит о понятии «культ личности», использованном Амаду в книге «Луис Карлос Престес» (рус. пер. Н. Тульчинской, 1951; в оригинале изд. под названием «Рыцарь надежды» – *O cavaleiro da esperança*, 1942), и о восторженности, с которой этот бразильский автор пишет о Луисе Карлосе Престесе, называя его «бразильским Лениным». Следует напомнить, что всего тремя годами ранее, в 1951 г., когда Жоржи Амаду получал Международную Сталинскую премию «За укрепление мира между народами», написанная им биография Луиса Карлоса Престеса была выпущена на русском языке, получила высокую оценку и была приравнена к таким книгам, как «Сталин» Анри Барбюса [см: Белякова 2010: 82]. Советские критики «Луиса Карлоса Престеса», например, А.Аникст, также считали, что «обращение писателей разных стран к созданию книг о народных героях нашего времени вполне закономерно. Жизнь таких выдающихся деятелей имеет поучительное и вдохновляющее значение» [цит. по: Белякова 2010: 82].

---

¹² Анатолий Васильевич Старостин (1919–1980) работал в Редакции литературы народов СССР и в московской редакции издательства «Художественная литература», где ему было поручено редактирование романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго» и где он активно, но безуспешно добивался публикации этого романа.

¹³ Константин Валерьянович Цуринов (1923–1982) работал синхронным переводчиком на Нюрнбергском процессе, переводил выступления французских обвинителей. Позднее преподавал на кафедре истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, был научным руководителем известного литературоведа И.А. Тертерян.

¹⁴ Елена Михайловна Колчина, переводчик испанского языка, в цитируемой стенограмме и других архивных документах упомянута лишь инициалами. В РГАЛИ упоминается в качестве автора шестистраничного отзыва на статью Н. Габинского о творчестве Пабло Неруды, опубликованного в 1953 г. Иностранной комиссией ССП, автора обзоров латиноамериканской литературы различных лет, участника обсуждения публикации в СССР книги уругвайского автора Энрике Аморима «Девять лун над Неукеном» (1946), автора комментариев к изданиям прогрессивных авторов и т.д.

¹⁵ Вероятно, это советско-французский философ, историк, библиограф и латиноамериканист Леонид Авелевич Шур (11 сентября 1930-?). Шур работал в Библиотеке иностранной литературы и в Институте этнографии Академии наук СССР, эмигрировал в Израиль в 1976 г. и выступал с лекциями в Иерусалиме, Мадриде и Сан-Паулу до 1981 г., когда переехал во Францию [Мнухин, Апрель 2008].

В ходе дискуссии некоторые ее участники выражали сомнение в том, что Амаду можно отнести к категории «прогрессивных писателей». Данную ему В.Н. Кутейщиковой характеристику как автора произведений «пессимистического реализма» остальные участники отвергли, но характер обсуждения элементов эротики в творчестве бразильского писателя показал, что они не вписываются в рамки критериев, необходимых для издания его произведений. Так, И.Ю. Тынянова утверждает:

Когда мы говорим о натурализме латиноамериканской литературы, мы не замечаем второй стороны этого дела. Бесспорно, что там есть влияние эстетских течений и любование натурализмом. Но в прогрессивной литературе это не натурализм. Там есть сцены, которые звучат прекрасно у Амаду, но по-русски их передать нельзя.

[...]

И говоря об эротике у Амаду, надо помнить, что сюда также вклинивается это чувственное восприятие жизни, и надо тонко разграничивать это при разговоре о произведениях Амаду¹⁶.

После горячего обсуждения и разгромной критики того типа творчества, которому следовал Амаду и который далеко не соответствовал понятию прогрессивного реализма, было назначено новое заседание для обсуждения исправленного варианта статьи. Если оно и состоялось, то в архивах не отложилась его стенографическая запись. В каталогах ведущих российских библиотек, включая Российскую государственную библиотеку, автору настоящей работы также не удалось найти свидетельств о том, что впоследствии выходили сборники, специально посвященные произведениям прогрессивных авторов Латинской Америки. Как представляется, сохранилась лишь статья В.Н. Кутейщиковой, которая должна была лечь в основу несостоявшегося сборника. Она вышла в виде 40-страничной брошюры как предварительная публикация под заголовком «Жоржи Амаду» в издательстве Всесоюзного общества «Знание» в серии «Брошюры-лекции». При всей остроте критики, прозвучавшей в ходе этой дискуссии, брошюра, выпущенная обществом «Знание», вышла тиражом в 90 000 экз. В ней, наряду с формальными критическими замечаниями, содержится политическая критика творчества Жоржи Амаду, например:

¹⁶ РГАЛИ Ф. 631. Оп.26. Ед.хр. 4451. Л. 28.

К концу 30-х годов Жоржи Амаду становится одним из наиболее любимых и популярных писателей Бразилии.

Однако творчеству Амаду первого периода многого еще не хватало. Смело ставя в своих романах социальные вопросы, он еще не знал конкретных путей их разрешения. К числу серьезных недостатков первых произведений Амаду относились также неумение молодого писателя создавать типические образы и характеры, недостаточная индивидуализация действующих лиц, частая подмена действия описанием, чрезмерное увлечение натуралистическими подробностями.

Ограниченность тогдашнего мировоззрения Амаду не позволяла ему создавать полнокровные реалистические произведения, намекающие пути для разрешения социальных и национальных проблем Бразилии. Писатель не мог еще осознать и художественно воплотить историческую роль пролетариата – единственного победоносного руководителя бразильского национально-освободительного движения.

Дальнейший путь творчества Амаду лежал через преодоление слабостей, присущих его творчеству, и через переход на позиции социалистического реализма. Этот переход подготовила активная политическая деятельность писателя в 1935–1937 годах, его непосредственное участие в освободительной борьбе бразильского народа [Кутейщикова 1954: 14].

Любопытно отметить, что в ходе обсуждения в Союзе писателей Старостин, утверждая, что «характеристика недостатков творчества Ж. Амаду совершенно не конкретна» и что «это примерно то же самое, что можно сказать о ком угодно»¹⁷, демонстрирует готовность смириться с недостаточной прогрессивностью автора, комментируя год спустя после смерти Сталина биографию Луиса Карлоса Престеса Амаду следующим образом:

В отношении книги о Престесе – для меня это большой вопрос, и я хочу перечитать сейчас, как она звучит сейчас. Мы не против героических биографий, но здесь, предвидя возможные нападки на это, вы слишком уж подчеркиваете, что Амаду не отрицает героев, которые вышшаются над толпой... А для меня остается еще вопросом, как звучит сегодня эта книга. Мне кажется, не звучит ли она слишком хвалебно по отношению к герою и не затемняет ли он роль бразильской компартии¹⁸.

---

¹⁷ Там же. Л. 2.

¹⁸ Там же. Л. 4.

При том, что здесь ощущается определенный отход от идеологической ортодоксальности, другие высказывания выступавших возвращают нас к реалиям советской пропаганды. Например, К.В. Цуринов говорит, что текст не годится как главная статья сборника, потому что в нем отсутствует литературоведческий анализ творчества Жоржи Амаду, и при этом осуждает автора за ее слова о том, что «не следует говорить о слабости рабочего движения (в тексте брошюры)»¹⁹.

Цуринов также поднял вопрос о правомерности использованного В.Н. Кутейщиковой термина «литература пессимистического реализма»: «Первый раз слышу такое определение [...] А то, что Вы [Кутейщикова. – М.Д.] называете “пессимистическим реализмом” – это критический реализм»²⁰. В брошюре, изданной обществом «Знание», В.Н. Кутейщикова не менее семи раз использует термины «пессимизм» и «пессимистичный» и, как кажется, пытается обосновать само появление книг Жоржи Амаду в Советском Союзе:

Слабость антиимпериалистического движения в первые десятилетия XX века была причиной того, что реалистические писатели Бразилии, правдиво изображая жизнь и борьбу народных масс, еще не видели в окружающей действительности реальных общественных сил, могущих возглавить и привести к победе национально-освободительное движение бразильского народа. Этим объяснялись их бесперспективность, пессимизм; это делало их творчество уязвимым со стороны натуралистических влияний. Черты пессимизма были свойственны даже творчеству замечательного мастера бразильской литературы, выдающегося общественного деятеля и пламенного патриота Бразилии Грасилиано Рамоса.

Большое количество произведений 20—30-х годов, посвященных описанию «зеленого ада»²¹, в котором протекает жизнь подавляющего большинства бразильского народа, получило название «литературы пессимистического реализма».

¹⁹ Там же. Л. 6.

²⁰ Там же. Л. 8,28.

²¹ Цуринов также ставит под сомнение правомерность использования Кутейщиковой термина «литература зеленого ада», однако Е.М. Колчина замечает, что это «ставшее обычным и обоснованное» определение, на что ее оппонент отвечает, что даже в этом случае оно «не должно использоваться в официальных документах».

«Литература пессимистического реализма» – явление, характерное для большинства стран Латинской Америки. [Кутейщикова 1954: 8-9]

Показательно также неоднократное использование участниками обсуждения термина «натурализм». Достаточно вспомнить, что с конца 1930-х гг. эта характеристика обрела политическое значение, о чем пишет исследователь Андрей Азов:

Впрочем, не всякое жизнеподобие было желательно – нежелательное жизнеподобие было обозначено словом «натурализм» и, так же как формализм, представлено врагом советского искусства. [...] Значение слов «формализм» и «натурализм» размывалось; они лишались конкретного научного и литературного содержания, превращались в ругательства, в предельно идеологизированные символы чего-то враждебного социализму. [Азов 2013]

То, что этот термин использовался именно в таком смысле, следует из высказывания в ходе той же дискуссии Н.Я. Тульчинской:

Я полагаю, что было бы неверно, если бы мы сказали, что у Амаду до определенного момента есть сильная натуралистическая струя, а потом она исчезает. Это было бы неверно. Натурализм у него есть и до сих пор, как есть и элементы эротизма.

Откуда это у него? Мне кажется, тов. Савич²² правильно сказал, что этот эротизм, элементы чувственности идут не от испанской литературы, а это следы модернизма²³.

Среди негативных черт творчества автора отмечалось наличие элементов мистики, на что в самом начале обсуждения обратила внимание Е.М. Колчина: «А к числу недостатков использования фольклора относится то, что он вводит в круг действующих лиц мифические персонажи. Эта мистика является уже недостатком»²⁴. Н.Я. Тульчинская поддерживает это мнение: «Нельзя обойти молчанием и элемен-

---

²² Овадий Герцович Савич (1896–1967) – писатель и переводчик, в 1932–1936 годы – корреспондент «Комсомольской правды» в Париже, в 1937–1939 годах – корреспондент ТАСС в Испании.

²³ РГАЛИ Ф.631. Оп. 26. Ед. хр. 4451. Л. 23.

²⁴ Там же. Л. 14.

ты мистицизма. Они имеются у Амаду, но это не значит, что надо это культивировать в нашей литературе критического и социалистического реализма»²⁵.

При этом тональность, в которой обсуждение книги Амаду «Луис Карлос Престес» подается в брошюре, выпущенной «Знанием», показывает, что подобные издания, по идее аналитические и литературоведческие, отражают вовсе не взгляды автора, а подходы, соответствующие линии партии – и становятся похожими на компендиум пропагандистских установок. Значительная часть дискуссии по поводу книги Жоржи Амаду, посвященной Престесу, свидетельствует о растущем неприятии культа личности, на что указывает, например, выступление К.В. Цуринова:

Я согласен с тем, что сейчас неуместно давать в таком плане анализ романа Престеса. Я думаю, что вернее было бы рассматривать это произведение в плане идейно-художественной эволюции Амаду на пути к его романам. И рассматривать это под углом зрения, как писатель, используя достоверный материал и жизнь своих современников, на материале биографии Престеса совершенствует свои приемы, которые помогли ему в дальнейшем собрать образы героев-коммунистов. Если бы взять характеристику «Престеса» под этим углом зрения, это шло бы в плане характеристики Амаду как писателя. А вообще, говорят, это погрешимо, и литературовед не может обойтись без критики. [...] И вы перенесите акцент, что было бы неправильно говорить, что писатель создает здесь культ личности, – нет, он стремится показать Престеса как героя, которого создал народ²⁶.

В пылу развернувшейся полемики ее участники начинают оправдывать идеологические ошибки Амаду, объясняя их «творческой интерпретацией». К.В. Цуринов в продолжительном выступлении предлагает сосредоточиться на том, как Амаду «сумел привлечь к характеристике Престеса фольклорные средства»²⁷: «Большой заслугой этой художе-

²⁵ Там же. Л.23

²⁶ Там же. Л. 12. В брошюре В.Н. Кутейщиковой этой работе Амаду посвящены пять или шесть страниц, причем автор делает попытку учесть мнение Цуринова, о чем свидетельствует следующий отрывок: «Книга Амаду приводит читателя к мысли об исторической необходимости появления людей такого типа, таких вождей, каким является Луис Карлос Престес» [Кутейщикова 1954: 18].

²⁷ РГАЛИ Ф.631. Оп. 26. Ед. хр. 4451. Л. 13.

ственно-публицистической книги является то, что в ней очень органично и талантливо используется фольклор», – говорит он. Тынянова выражает несогласие, однако Тульчинская²⁸, похоже, поддерживает это мнение, произнеся лишь одну фразу: «Когда мы говорим об истоках творчества Амаду, мы всегда говорим, что в этом есть широкая струя использования фольклора; говоря о книге “Престеса”, мы так и должны сказать»²⁹.

Использование имен Амаду и Престеса в пропагандистских целях и утверждение о соответствии книги Амаду советской идеологической линии очевидно просматривается в следующем высказывании Н.Я. Тульчинской:

Надо сказать, что в Бразилии существует такой культ Престеса, что Амаду невольно должен был поддаться этому. И когда мы работали над тем, чтобы Престес пришел в партию³⁰, мы учитывали именно это обстоятельство, чтобы вместе с ним в партию пришла бы и его популярность. Амаду прямо так и пишет, что Престес – это Ленин в Бразилии. Но вообще эту книгу сбросить со счетов никак нельзя³¹.

Кутейщикова подчеркивает значение книги «Луис Карлос Престес»: «Нельзя забывать, что художественная сила этого произведения состоит в воспитании коммунистической идеологии, и надо показать эту воспитательную роль книги»³². Цуринов приводит свои доводы: «Думаю, что неверно говорить о слабости коммунистов, так как слабость компартии и являлась следствием слабости развития сознания народных масс, а вы на стр. 25-й говорите об этом»³³. Однако его оппо-

---

²⁸ Любопытно здесь напомнить слова переводчика испанской, португальской и латиноамериканской литературы и консультанта Иностранной комиссии Союза писателей СССР Л.П. Синянской (1933-2013) о том, что «Иностранная комиссия, без сомнения, находилась под надзором КГБ» [см. Блюм 2004: 249].

²⁹ РГАЛИ Ф.631. Оп. 26. Ед. хр. 4451. Л. 14.

³⁰ Это высказывание Тульчинской подтверждает слова Пантелеева о том, что главной своей заслугой ее муж считал вовлечение «рыцаря надежды» в компартию. Двадцатью годами ранее это также подтверждал Ваак. По мнению последнего, Гуральский-Хейфец-Русико «еще в Буэнос-Айресе хвастался» своим успехом в работе с Престесом, которого он называл «моим главным приобретением» [Waack 1993: 33].

³¹ РГАЛИ Ф.631. Оп. 26. Ед. хр. 4451. Л. 15.

³² Там же.

³³ Там же. Л.16.

нент находит прекрасный мотив для защиты книги Амаду: «Мы должны относиться с большим интересом и доверием к основополагающим положениям, высказанным Амаду о Престесе. Если этого не будет, получится, что мы будем поддерживать произведения, которые принесли немало вреда в Латинской Америке»³⁴.

За год до этого, в 1953 г. брошюра Кутейщиковой оказалась в руках постоянного участника заседаний Латиноамериканской комиссии ССП Юрия Калугина³⁵, ставшего впоследствии переводчиком романа «Габриэла, гвоздика и корица», который изложил свое мнение о брошюре «как руководитель испанской редакции» журнала «Новое время». В его четырехстраничном жестко структурированном докладе, в частности, даются следующие рекомендации: «Цитату на книгу Кайо Прадо Жуниора “Экономическая история Бразилии” (стр. 41) надо убрать, так как он оказался ренегатом – троцкистом»³⁶. Как следствие, имя одного из крупнейших бразильских историков и географов исчезло из публикации.

Кроме того, Калугин предлагает Кутейщиковой особо выделить «прекрасный язык, замечательный стиль романов Жоржи Амаду, особенно последних – он сейчас один из немногих латиноамериканских писателей, полностью стоящих на позициях социалистического реализма; подчеркнуть большое влияние, которое оказали на его творчество советские писатели, в частности Максим Горький, Шолохов, Федин, Полевой»³⁷ и далее: «Указать, что Жоржи Амаду, в свою очередь, оказывает большое влияние на творчество других бразильских писателей: Дальсидио Журандира, Алины Паим, Наира Батисты, которые тоже начинают писать в духе социалистического реализма»³⁸.

Впрочем, в брошюре исследовательницы латиноамериканской литературы эти предложения были приняты:

С другой стороны, само творчество Амаду сумело оказать благотворное влияние на поколение самых молодых прогрессивных писа-

³⁴ Там же. Л. 17.

³⁵ Георгий Александрович Калугин (1906–1991) – журналист-международник, литературный переводчик, с середины 1930-х годов подписывался под своими работами как Юрий Калугин.

³⁶ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4451. Л. 21.

³⁷ Там же. Л. 2. Эта последняя рекомендация была враждебно воспринята А.В. Старостиним: «Все это звучит очень обще» [Там же. Л. 3].

³⁸ Там же. Л. 4.

телей Бразилии – Алины Паим, Дальсидио Журандира, Жамеса Амаду и других, оказывающих своим творчеством большое влияние на рост классового самосознания бразильского народа. [Кутейщикова 1954: 10]

Этот фрагмент явно показывает несогласие автора с характеристикой творчества Амаду как «в полном смысле слова достойного звания социалистического реализма», и выдвинутое предложение, по сути, отвергнуто. Калугина можно было бы заподозрить в попытках ввести Амаду в пантеон марксистских святых, поскольку он практически монополизировал право на перевод книг бразильца на русский язык и был в высшей степени заинтересован в том, чтобы того приняли в среде советской интеллигенции и соответственно издавали.

«Друг Советского Союза»: Ж. Амаду на Втором Всесоюзном съезде советских писателей

Укреплению авторитета Амаду в СССР способствовало другое событие, произошедшее в конце 1954 г., и связанные с ним документы. Бразилец оказался одним из 67 зарубежных гостей, прибывших для участия в работе Второго Всесоюзного съезда советских писателей, проходившего 15-26 декабря. Так что если участники заседаний Союза писателей еще не избавились от сомнений в «прогрессивности» Жоржи Амаду, поскольку его творчество не вписывалось в рамки социалистического реализма, то в отделе ЦК КПСС демонстрировали больше убежденности в том, что Амаду – твердый прогрессист.

Жоржи Амаду произнес речь 23 декабря 1954 года наряду с Луи Арагоном, Константином Фединым и Александром Фадеевым. Согласно стенограмме съезда, Амаду начал выступление с приветствия коллегам от имени своих бразильских читателей – «простых рабочих, трудящихся мужчин и женщин, живущих в далекой стране, в другой части света, за морями и горами»³⁹. Писателя встретили овацией, и он продолжил:

Наши рабочие узнали об этом [о том, как революция 1917 года освободила человека] из книг Серафимовича, Фадеева, Лавренева, Фурманова, Николая Островского, Всеволода Иванова.

---

³⁹ РГАЛИ Ф. 631. Оп. 28. Ед.хр. 33. Архивный текст на русском.

Я привез вам привет от крестьян, узнавших из книг Шолохова и других произведений о новой счастливой жизни, созданной советской властью для тех, кто раньше были на вашей, а не моей родине, (где люди и) посеи́час являются рабами земли и ее владельцев. Из ваших книг наши крестьяне узнали о грандиозной эпопее создания колхозного изобилия⁴⁰.

Далее он цитирует Эренбурга, Лескова, Гроссмана, Симонова и других писателей. Он также рассказывает о молодом парализованном парне из города Арасатуба, который был до глубины души потрясен образом Алексея Маресьева из романа Бориса Полевого, говорит о «Хожении по мукам» Алексея Толстого, о Галине Николаевой, о том, что детям в Бразилии дают имена персонажей произведений Фадеева. Под бурные аплодисменты он перечисляет «бразильских писателей-коммунистов», таких как Афонсу Шмидт, Флориан Гонсалвес, Ли́ла Риполл, Далсидиу Журандир, Алина Паим, Жамес Амаду, Россини Камаргу, Гуарниери Бернарду Эллис, Апарисиу Флорели, Барау ди Итараре, Астрожилду Перейра, и критикует тех, кто утверждает, будто современная бразильская литература копирует советскую: «Эти сектанты путают метод социалистического реализма с литературными школами»⁴¹.

Теперь я хочу рассказать вам о видном фронте бразильских писателей самых различных политических направлений в борьбе за мир и освобождение [...]

Наша культура и литература разделены в настоящий момент на два лагеря. Один из них – прогрессивный, объединяющий силы, призванные создать демократический фронт народного освобождения; другой лагерь – лагерь реакционеров, служащих американскому империализму и его приспешникам в Бразилии – крупным землевладельцам и капиталистам⁴².

Вслед за этим Амаду заявляет, что в Бразилии имеется огромное количество книг и кинофильмов, созданных на основе метода критического реализма. В отчете Отдела науки и культуры ЦК КПСС о результатах съезда, подписанном, так же, как и подготовительные документы

---

⁴⁰ Там же. Л. 31.

⁴¹ Там же. Л. 39.

⁴² Там же. Л. 43.

этого форума, начальником Агитпропа ЦК А.М. Румянцевым⁴³, его заместителем П.А. Тарасовым⁴⁴ и заместителем заведующего сектором художественной литературы ЦК В.И. Ивановым⁴⁵, отмечается участие Амаду, который упоминается дважды. Один раз о нем говорится между прочим, когда перечисляются присутствовавшие на съезде известные иностранные писатели, а затем говорится:

Среди выступлений иностранных гостей большой эмоциональной силой и широтой обобщений выделялись речи поэтов-лауреатов Международных Сталинских премий Пабло Неруды (Чили) и Жоржи Амаду (Бразилия), а также Луи Арагона (Франция), Джека Линдсея (Великобритания), Нгуен Тхи Динь (Вьетнам). [Водопьянова 2001: 341]

Во время работы съезда Жоржи Амаду также присутствует на мероприятии, посвященном началу издания журнала «Иностранная литература», и на церемонии выборов нового руководства Союза писателей, в которое тогда вошел И.Г. Эренбург. Выступив с хвалебной речью, в которой он превозносил деятелей советской культуры, стоящих вне критики⁴⁶ (или почти вне критики), Амаду вновь сделал «правильный» выбор в пользу партии, подтвердив отзывы о нем, которые включили в свой отчет о съезде 26 июля того же года Ф.М. Румянцев и П.А. Тарасов. Еще до открытия съезда, через два месяца после упо-

---

⁴³ Алексей Матвеевич Румянцев (1905–1993), социолог, экономист, член КПСС с 1940 г., работал заведующим Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС, с 25 марта 1953 г. Был главным редактором журналов «Коммунист» и «Проблемы мира и социализма», а с 24 февраля 1958 г. – главным редактором газеты «Правда». С 8 декабря 1964 г. входил в состав постоянной комиссии ЦК КПСС по идеологическим вопросам, занимал различные посты в Академии наук СССР.

⁴⁴ Павел Андреевич Тарасов (1912–1969), в 1946–1947 гг. работал секретарем ЦК профсоюза работников искусств, затем был заместителем заведующего Отделом пропаганды и агитации и заместителем заведующего Отделом науки и культуры ЦК КПСС. Позднее работал помощником секретаря ЦК КПСС Д.Т. Шепилова, с 25 октября 1963 г. – начальником управления театров Министерства культуры СССР, с 1964 г. входил в состав коллегии Министерства культуры СССР.

⁴⁵ Иванов В.И. (1910-?) с 3 сентября 1948 г. был инструктором Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС, с июля 1949 г. – заместителем этого же отдела, с 1953 г. входил в состав редколлегии журнала «Коммунист», а с 9 декабря 1955 г. работал завсектором отдела художественной литературы и искусства ЦК КПСС.

⁴⁶ Например, А.Н. Толстой, А.А. Фадеев и К.А. Федин, которые возглавляли Союз писателей СССР соответственно с 1936 по 1938 гг., с 1938 по 1954 гг. с перерывом с 1944 по 1946 гг., и с 1959 по 1977 гг.

мянутой дискуссии по поводу статьи В.Н. Кутейщиковой они писали о возможности публикации сочинений Амаду в сборнике произведений прогрессивных писателей Латинской Америки. В этом документе заведующий отделом науки и культуры ЦК КПСС и его заместитель просят увеличить в стране количество публикаций переводных художественных произведений, ссылаясь на запросы университетов и институтов, а также письма граждан, поступающих в ЦК.

Работа издательств, на которые возложена основная задача по переводу и изданию книг зарубежных авторов (Издательство иностранной литературы и Гослитиздат), вызывает многочисленные нарекания. Основным недостатком в планах издания переводных книг на русском языке является то, что в них мало представлена или же совсем не представлена литература многих стран. Издательство иностранной литературы, выполняющее основную задачу по переводу и изданию современной зарубежной литературы, ограничивает объем издания художественной литературы 600 издательскими листами, что позволяет выпускать в год 30-35 книг. Учитывая бурный рост прогрессивной литературы во многих странах мира после второй мировой войны, такой объем издания новейших книг прогрессивных авторов следует считать недостаточным [Водопьянова 2001: 286].

В документе также приводятся зарубежные авторы, которых необходимо опубликовать на русском языке, и подчеркивается: «Богатая и быстрорастущая прогрессивная литература стран Латинской Америки представлена в русских переводах лишь отдельными произведениями немногих авторов» [Водопьянова 2001: 287]. В качестве еще одного недостатка называются «низкие тиражи» книг крупных писателей и «большие задержки» с публикацией других авторов. Здесь упоминается написанная Амаду биография Луиса Карлоса Престеса, которая была издана по-русски лишь через девять лет после ее публикации на португальском языке.

Книга Амаду «Луис Карлос Престес» появилась у нас девять лет спустя после выхода ее на языке оригинала. Издательства тратят много времени на рецензирование иностранных книг, перевод, редактирование и другие операции.

Из издательских планов Гослитиздата и Иноиздата выпадают многие произведения зарубежной литературы периода 20-30 годов, так

как Гослитиздат считает своей обязанностью издавать лишь классику, а Иноиздат – лишь новейшие произведения последних лет.

Кроме того, в издательских планах обходится категория зарубежных писателей из рядов буржуазной интеллигенции, многие из которых примыкают к лагерю борцов за мир и своим творчеством, более или менее реалистическим, раскрывают современное буржуазное общество, разоблачают реакционные силы, защищают национальные интересы (например, Дрюон, Веркор во Франции, Ортезе в Италии и другие). [...] Наша критика недостаточно выполняет свою роль активного помощника прогрессивных литераторов зарубежных стран в борьбе за передовую литературу [Водопьянова 2001: 288].

Для улучшения ситуации Отдел науки и культуры предлагает организовать проведение совместно с отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС конгрессов с участием директоров и главных редакторов издательств, представителей министерства культуры, Союза советских писателей, литературно-художественных журналов, ВОКСа, с тем, чтобы увеличить количество публикаций произведений новых авторов.

Отчет получил одобрение тогдашнего секретаря ЦК КПСС П.Н. Поспелова⁴⁷, что объясняет многие из последовавших за этим событий. Например, Мориса Дрюона стали публиковать в СССР (первой его книгой, опубликованной в Советском Союзе в 1957 г., стал роман «Железный король», написанный в 1955 г., а в период до 1965 г. были опубликованы еще три его книги); выросло число представителей самых разных слоев интеллигенции – участников обсуждений и дискуссий, что нашло отражение в стенографических записях Союза писателей СССР. В этот же ряд событий попадает и развернувшееся с этого момента обсуждение творчества Жоржи Амаду, и, в частности, его «сомнительного» романа «Габриэла, гвоздика и корица» (1958), «буржуазные тенденции» которого вызвали настроенное отношение советских литературных функционеров.

Как уже говорилось, в период, предшествовавший 1956 г., к творчеству Жоржи Амаду в Советском Союзе относились весьма благо-

---

⁴⁷ Пётр Николаевич Поспелов (1898–1979), член партии с 1916 года, секретарь ЦК КПСС (1953–1960), член бюро ЦК КПСС по РСФСР (1960–1961), лауреат Сталинской премии первой степени (1943), главный редактор газеты «Правда» с 1949 по 1952 гг., автор серии публикаций в газете «Правда», прославлявших Сталина и фальсифицировавших историю партии и гражданской войны. Считается, что участвовал в написании речи Л.П. Берии на похоронах Сталина.

желательно как в высшем руководстве, так и в среде интеллигенции, причастной к выстраиванию издательской политики. Роман «Подполье свободы» появился в русском переводе в 1954 г. – одновременно с его выходом в Бразилии, и произошло это, вероятно, благодаря Ф.М. Румянцеву и П.А. Тарасову из Отдела науки и культуры ЦК КПСС: призывая ускорить публикацию произведений ряда авторов на русском языке, они прямо указывали на книги Амаду. Однако резонанс, который вызвал доклад Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» на XX съезде КПСС вовсе не способствовал, как можно было бы предположить, изданию в СССР очередного романа Амаду «Габриэла, корица и гвоздика». Решение по этому произведению не было очевидным для советского руководства; более того, исследования показали, что доклад Хрущева спровоцировал сомнения по поводу целесообразности издания романа Амаду.

«Политические завихрения» и эротика «писателя-гермафродита»: дискуссия о «Габриэле, гвоздике и корице» (1959)

Вопрос об издании романа «Габриэла, гвоздика и корица» (1958) решался в сложной обстановке; этому произведению пришлось преодолеть определенные идеологические фильтры, прежде чем оно увидело свет. Важнейшую роль в судьбе русского издания этого романа, вызвавшего столько дискуссий в Советском Союзе, сыграли политические убеждения Жоржи Амаду. Опасения, высказанные относительно публикации романа и сохранившиеся в виде стенограмм, статей и проч., не стали непреодолимым препятствием – книга вышла в 1961 г., через два с лишним года после ее публикации на португальском языке.

«Габриэла...» обозначила поворот в творчестве автора, поскольку в этой книге основное внимание сосредоточено не на социальных проблемах, а на эротике, и кроме того, в ней выведен чужестранец-капиталист, появление которого приносит прогресс в маленький городок штата Баия. Эти изменения совпали с важными событиями в жизни автора и в истории СССР: четыре года, прошедшие с момента публикации в Бразилии «Габриэлы...» и написанного перед ним романа Амаду «Подполье свободы» (1954), отмечены концом сталинизма, секретным докладом Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС (1956), а также разочарованием Жоржи Амаду в коммунистических идеалах и выходом из компартии Бразилии. После появления слухов, вызванных докладом Н.С. Хру-

щева, Амаду даже опубликовал 11 октября 1956 г. в газете *Imprensa Popular* письмо, в котором написал, что ощущает себя так, будто его «окатили кровью и грязью» [Peralva 1962: 186] [Перевод мой. – М.Д.].

Уже в 1958 г., когда Борису Пастернаку было присвоено звание Нобелевского лауреата по литературе и он подвергся преследованиям со стороны советского правительства, Амаду утверждал, что исключение Пастернака из Союза писателей СССР свидетельствовало о том, что эта организация находится под контролем сталинистов [Finn, Couvée 2014]. Он прислал телеграмму протеста в Союз писателей⁴⁸ и сделал заявление газете *Última hora*, вышедшей в Рио де Жанейро, в котором назвал это решение «культурным терроризмом», и почеркнул:

Исключение Пастернака из Союза советских писателей доказывает, что сектантские и догматические элементы все еще доминируют в Советском Союзе; они еще пытаются связать литературное творчество и навязать единую школу мышления, – точно так же, как было в сталинский период. Литература и искусство не могут развиваться без наличия различных школ мышления [Цит. по: Толстой 2009].

В справке Иностранной комиссии ССП о литературной и общественной деятельности Жоржи Амаду за 1951, 1955 и 1960 гг., констатируется: «После XX-го съезда Амаду выступил с весьма пессимистической статьей, сказав, что ничего не видит вокруг кроме крови и грязи» и что «негативную реакцию вызвало у писателя и пресловутое дело Пастернака»:

Амаду заявил, что для прогрессивного писателя важно включать в свои творения элементы национального. Постановка каких-либо социальных задач необязательна. Практическим выражением этого нового тезиса о прогрессивной литературе явился роман Амаду «Габриэла, гвоздика и корица», вышедший в 1959 г. (sic). По мнению буржуазной прессы, это произведение Амаду – «несомненный возврат романиста к настоящему художественному роману, появившимся вслед за серий его малохудожественных, но социальных книг».

Роман «Габриэла, гвоздика и корица» представляет собой в какой-то мере апологию буржуазии. Буржуазная критика очень высоко

---

⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4479.

оценила это произведение Амаду. Амаду же получил 5 национальных премий за этот роман (одна из них премия ПЕН клуба Бразилии)⁴⁹.

Отложившаяся в фонде Иностранной комиссии в РГАЛИ стенограмма обсуждения «Габриэлы...» отражает острый характер состоявшейся дискуссии.

В Советском Союзе непосредственно перед публикацией⁵⁰ «Габриэлы...» на русском языке (и еще до появления романа на португальском) уже развернулась дискуссия насчет эротики в прозе писателя и соответствия произведений Амаду принятым в СССР критериям «прогрессивной литературы». О ходе этой дискуссии можно судить по сохранившимся стенографическим отчетам.

Можно сделать обоснованный вывод о том, что, вопреки здравому смыслу, отзывы «секретного доклада» Н.С. Хрущева и публикация в Бразилии романа «Габриэла...» ухудшили, по крайней мере, на время отношения Амаду с Советским Союзом. После прозвучавшего ранее призыва ускорить публикацию произведений Жоржи Амаду на русском языке, который привел к появлению уже в 1954 г. наспех переведенного Ю. Калугиным романа «Подполье свободы», ситуация изменилась, и русский перевод «Габриэлы...», изданной в Бразилии в августе 1958 г., появился только спустя три года⁵¹. Становится заметной перемена в отношении к Амаду со стороны представителей интеллигенции, которые прежде давали положительные рекомендации бразильцу. Это можно проследить по обнаруженной нами в РГАЛИ стенограмме засе-

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Имеется в виду четырехлетний период после публикации «Подполья свободы» и «Габриэлы...» в Бразилии, то есть, 1954–1958 гг. Мы также пытаемся выявить изменения в отношении советской интеллигенции к Амаду до и после издания этого романа, поскольку, как мы увидим далее, реакция на появление «Габриэлы...» была весьма настороженной.

⁵¹ Автор заканчивал книгу в Петрополисе, в штате Рио-де-Жанейро в мае 1958 года (http://www.jorgeamado.org.br/?page_id=148&obra=502&start=15&lang=pt); первые упоминания в прессе (как информационного характера, так и аналитического) позволяют сделать вывод, что роман появился в книжных магазинах в августе того же года. Так, в статье Элены Силвейры «Сумерки» с подзаголовком «Впитывая “Габриэлу, гвоздику и корицу”» [Silveira 1958] речь об издании идет как о новинке, только что попавшей на книжную полку автора. Накануне в той же газете Жозе Таварес ди Миранда сообщает о выходе вечером того же дня в книжном магазине Livraria Teixeira романа «Габриэла, гвоздика и корица» [Miranda 1958]. В декабре того же года вышло уже шестое издание книги. В России первое издание появилось в 1961 г.

дания Иностранной комиссии латиноамериканских стран Союза писателей СССР от 8 декабря 1959 года⁵², целиком посвященного обсуждению книги Амаду «Габриэла, гвоздика и корица».

По тексту этой 62-страничной стенограммы можно судить о том, какое значение тогдашние советские литераторы придавали произошедшему в творчестве и мировоззрении Амаду «повороту» – и не только из-за присутствия у него в романах того, что стало принято называть в СССР «натурализмом». Организатор обсуждения романа на Комиссии латиноамериканских стран Союза писателей СССР Елена Колчина высказалась в таком духе:

Судя по всему... была совершенно настоятельная необходимость собраться латиноамериканистам Москвы и выработать свою точку зрения на это произведение [«Габриэлу...» – М.Д.]. Никто так не ставил вопрос, что кто-то будет говорить за, кто-то против. А вопрос стоит так, что же представляет собой эта книга.

Мы знаем Жоржи Амаду давно, может быть уже второй десяток лет. Мы его очень любим, очень ценим; роль его в общественной жизни Бразилии по-прежнему высока, и по-прежнему он остается нашим другом. Но эта книга отличается от всего его творчества. И цель нашего собрания – выработать свою точку зрения. [...] Это не значит, что мы будем рекомендовать или не рекомендовать к переводу эту книгу, и мнением актива никто не пренебрегал [Л. 4-5].

В число участников состоявшихся в тот зимний день дебатов вошли Ю. Калугин, Ю.В. Дашкевич⁵³, «товарищ Базарян»⁵⁴, Н.Я. Туль-

---

⁵² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед.хр. 4471. Далее ссылки на этот документ приводятся в тексте статьи в скобках после цитат.

⁵³ Юрий Владимирович Дашкевич (1913-?), литературный критик, переводчик латиноамериканской литературы, член Союза писателей СССР, заведующий отделом латиноамериканской литературы журнала «Иностранная литература». Первым познакомил советскую литературную общественность с творчеством мексиканского писателя Карлоса Фуэнтеса.

⁵⁴ Акоп Саг Базарян (Jacob Sagh Bazarian) (1919-2003), член КПСС, депутат Верховного совета Армянской ССР. Родился в армянской семье в Турции, откуда был изгнан, с семьей скрывался в Сирии, Ливане, Франции и Бразилии. С 1950 года жил в Советском Союзе, где вступил в КПСС и был избран в Верховный совет республики, но в 1966 году вернулся в Бразилию. Еще с 1943 г. посещал вечера у бразильского поэта Освальда де Андраде, был знаком с Жоржи Амаду, Кайо Прадо, Пауло Менотти дель Пиккья. В 1970-е гг. выпустил книгу «Миф и правда о Со-

чинская, В.Н. Кутейщикова и «товарищ Сипович»⁵⁵ (хотя в обсуждении также неоднократно слышен голос некой Н.А. Поляк, она не фигурирует в списке участников дебатов), председательствовала Е.М. Колчина. Колчина сразу предложила перенести обсуждение «Габриэлы...», поскольку отсутствуют несколько участников (среди них Инна Тынянова и один из самых заслуженных советских латиноамериканистов Федор Кельин). «Я предполагала, что сегодня аудитория будет более многочисленной, но винить, вероятно, надо только атмосферные условия» [Л. 2].

Колчина предлагает обсудить план работы Комиссии латиноамериканских стран Союза писателей СССР и предстоящее заседание, намеченное к проведению в конце 1959 или начале 1960 года, «с участием Кирсанова», на котором В.Н. Кутейщикова должна будет рассказать о своей недавней поездке в Бразилию. Интересно отметить, что в обстановке колебаний, продиктованных открытостью «оттепели» при сохранявшейся самоцензуре и внешней цензуре, на заседании прозвучало имя Кирсанова – вероятно, поэта Семена Осиповича Кирсанова (1906–1972), одного из последних учеников Маяковского, близкого знакомого Осипа Мандельштама, которого он поддерживал, в том числе и материально, давшего позднее рекомендацию в Союз писателей Евгению Евтушенко и ставшего объектом почитания для Андрея Возне-

ветском Союзе», в которой рассказал о 16 годах своей жизни в СССР и разгромил советскую утопию. В телефонном разговоре с автором настоящей работы 3 августа 2016 года сын Ю. Калугина Александр (1939 г.р.) неожиданно вспомнил о Базаряне: «Имя Базаряна вам ничего не говорит? Мой отец подружился с его бразильской семьей в Рио-де-Жанейро, потом Базарян с семьей переехал в Советский Союз, и мой отец опекал его здесь, но, в конце концов, они вернулись в Рио-де-Жанейро. Я не помню, чем он (Базарян) занимался, только запомнил его. Но он был довольно близким другом моего отца, и они завязали отношения в Рио». Обширный архив Базаряна в неразобранном виде сохранился в Бразилии в Институте истории, генеалогии и географии в городе Итапетининге, в первую очередь благодаря журналисту Элиу Рубенсу ди Арруда-и-Миранде, которому автор выражает особую благодарность за предоставленный доступ к архиву во время посещения этого города 13 июля 2017 года. В советском виде на жительство Базаряна, который мы нашли в Итапетининге, его имя пишется «Жакоб Артинович Базарян», но в этом же архиве мы нашли публикацию, в которой его имя указано как «Базарян Акоп Артемович – избирательный округ № 256» («Кандидаты в депутаты Ереванского городского Совета депутатов трудящихся, зарегистрированные окружными избирательными комиссиями по выборам в Ереванский городской Совет». 13 февраля 1953 года, №37 (5667). А в архивах Коминтерна его личное дело [РГАСПИ. Ф. 492. Оп. 197. Д. 320] описывают как «Базарян Жакоб Артинович».

⁵⁵ А.Э. Сипович – переводчик испанского и португальского языков, перевел стихи, вошедшие в состав романа «Габриэла...» в издании 1961 г.

сенского. Его поэма «Семь дней недели», написание которой автора вдохновили решения XX съезда КПСС, подверглась резкой критике за изображение советского общества как задушенного бюрократией и была охарактеризована в 1956 г. как глубоко пессимистическая. Несмотря на критику, С.О. Кирсанов, который был также переводчиком Пабло Неруды [Neguda 2005: 270], удостоился в 1957 году ордена Трудового Красного Знамени⁵⁶.

Однако Ю. Калугин выступил за то, чтобы поставить вопрос о «Габриэле...» на обсуждение немедленно, и был поддержан своим близким другом из Бразилии А.С. Базаряном, а также Ю.В. Дашкевичем и другими. Автор предисловия к первому изданию романа на русском языке Дашкевич заявил, что у него имеется просьба Ф.В. Кельина [Л.4] донести до участников обсуждения его точку зрения. В свою очередь, Н.Я. Тульчинская выступает против этого предложения и предлагает дожидаться Тыняновой, которая, по словам Калугина, «не успела дочитать и сознательно не пришла» [Л. 12], – и Кельина, поскольку «очень важно не только его мнение, но и его мотивировка». «У тов. Кельина флюс и выходить в такой мороз ему нельзя. Это не такое событие, чтобы человек в его возрасте рисковал своим здоровьем» [Л.7].

Базарян также задает организатору обсуждения вопрос: «Я не из этого мира, но я знаю, что в первый раз предварительно обсуждается книга, в данном случае Жоржи Амаду» [Л. 5]. В конце концов, Е. Колчина заканчивает свое выступление, опровергая свои первоначальные слова о том, что комиссия не будет рекомендовать роман к публикации:

Когда я имела в виду, что у каждого товарища есть свое мнение, я имела в виду не оценку каких-то художественных сторон романа, а место этого романа, положительное или отрицательное, в творчестве Амаду.

---

⁵⁶ В статье, посвященной Первой конференции переводчиков СССР и публикациям в советской прессе, предшествовавшим этому событию, Сусанна Витт [Witt 2013: 146] [Перевод мой. – М.Д.] вспоминает, впрочем, что «в 1934 году, накануне съезда, газета [«Правда». – М.Д.] включала в подборку стихов (особенно политических) только выборочные произведения советских авторов, таких, как Бедный, Гусев, Кирсанов, Сурков и другие “правдисты”». Позднее [Witt 2013: 148] она вспоминает случай с казахским поэтом Джамбулом Джабаевым, удостоившимся ордена Трудового Красного Знамени и ордена Ленина в 1938 году и Сталинской премии в 1941 г. Эта практика «официального посвящения» в писатели (в том смысле, в каком его использовал французский социолог Пьер Бурдьё) применялась в отношении целого ряда поэтов.

[...] это наше внутреннее дело, не должно пойти в печать, а просто это товарищеская встреча людей, которые знают Бразилию и знают Амаду, потому что эта книга вызывает много раздумий и не только у нас, но и в самой Бразилии, в Румынии, и в Германии. И хотя эту книгу будут публиковать, это не исключает одно другого [...]

Я позволю себе напомнить, что мы хотя и являемся очень мощной комиссией, но эта комиссия имеет общественный характер. Мы не комиссия при какой-то организации, которая может декретировать издавать или не издавать, а мы можем рекомендовать или не рекомендовать [...].

Если бы речь шла о каком-то второстепенном или третьестепенном писателе, тогда это было бы неважно, но по отношению к Жоржи Амаду, к нашему другу, мы должны очень бережно относиться и выработать какую-то свою точку зрения и сказать свою точку зрения, следует ли публиковать эту книгу или не следует, или, может быть, с каким-то предисловием публиковать [Л. 8].

Несмотря на утверждение Колчиной о том, что книга «будет опубликована», ее издание в СССР состоится лишь через два года после этого обсуждения, которое только усилило сомнения относительно целесообразности ее выпуска в свет. Кроме того, во время обсуждения В.Н. Кутейщикова задала вопрос, пишет ли кто-нибудь материал об этом произведении для журнала «Иностранная литература» [Л. 10], на что Дашкевич отвечал: «Мы предполагаем опубликовать рецензию Престеса» [Л. 10]. Однако эти заметки, по всей видимости, так и не вышли в свет, хотя глава бразильских коммунистов, находясь в эмиграции в СССР, написал предисловие к изданию «Капитанов песка», вышедшему в 1976 г. в журнале «Молодая гвардия».

Разгоревшиеся споры о том, вести ли обсуждение «Габриэлы...» на этом заседании или нет, и решение в пользу начала дискуссии заняли 12 (из 62-х) листов стенограммы, вслед за которыми следуют десять страниц, посвященные планам работы секции латиноамериканских стран Иностранной комиссии Союза советских писателей.

Разговор о романе «Габриэла, гвоздика и корица» начинается, наконец, на 22-листе стенограммы, и сразу наталкивается на сложности, поскольку все семь участников (среди которых три переводчика произведений Амаду: Кутейщикова, Тульчинская и Калугин) избегают высказывать свою точку зрения на книгу и говорят о желании «защитить» роман:

Так, А.Э. Сипович объясняет свою позицию:

О книге говорится и плохое, и хорошее. Здесь вопрос стоит так: нужно ли эту книгу переводить и давать рекомендацию к ее изданию. И последний абзац моей рецензии⁵⁷ говорит, что если да, – то я в какой-то степени адвокат, если нет, то я в какой-то степени прокурор. И может быть такая ситуация, что эта книга очень яркая, очень острая, и поэтому может быть ее не стоит переводить [Л. 22-23].

Ю. Калугин более резко высказывается о возможном бойкотировании издания русского перевода:

Я примерно скажу то же самое, но с других позиций. Меня поразило, почему нужно, как ходят слухи, во что бы то ни стало предостеречь издательство от того, чтобы издавать эту книгу. И, грубо выражаясь, те, кто затеял это обсуждение, должны сказать, в чем осуждается Ж. Амаду за написание этой книги, в чем заключается критика этого труда Ж. Амаду, и тогда будет естественное начало для дискуссии [Л. 23].

Несмотря на просьбу Колчиной «отвлечься» от слухов, Калугин напоминает: «Я переводил четыре книги Амаду и ни одна книга не обсуждалась». После того как все больше участников обсуждения отказывают дать отзывы книге [Л. 24]⁵⁸, Базарян говорит: «Хорошо, что собрание стенографируется, и высказывания всех фиксируются» [Л. 26], а Калугин заявляет, что «любая книга имеет свои основания для того, чтобы ставить вопрос, что книга не заслуживает издания, что в ней есть недостатки, что книга вредная и т.д. И таких разговоров по этой книге очень много. [...] Пусть один из тех, кто хочет бросить камень, пусть и начнет, потому что все, кто читал эту книгу, в восторге от нее. И разговоры эти абсолютно не нужны. И мне кажется, наличие квалифицированных рецензий в издательстве, в том числе Престеса, – а таких рецензий две, – говорит о том, что обсуждать собственно нечего и что все это построено на песке» [Л. 27-28].

---

⁵⁷ Этот текст нами пока не найден.

⁵⁸ Тульчинская даже заявляет по этому поводу: «Я готова участвовать в творческом обсуждении романа, но я не буду участвовать в суде над Жоржи Амаду. [...] Я отказываюсь от обсуждения» [Л. 26].

Ни одна из статей о «Габриэле...», написанных Луисом Карлосом Престесом, по-видимому, так и не была опубликована ни в прессе, ни в книгах. Документы об этой статье в архивах также пока не найдены. Но то, что они были использованы Калугиным в качестве угрозы в адрес тех, кто пытался устроить «суд» над Амаду, не было оставлено без внимания Е.М. Колчиной:

Я не принимаю Ваших упреков, потому что ни в каких слухах мы – Иностранная комиссия, не повинны, но... эта книга все-таки вызывает сомнение. И не в том, стоит ли ее издавать или не стоит, дело в том, что, если книга художественная, издавать ее стоит. Даже такая книга, как «Мертвые дома...», и далекая от нас, но которая имеет художественные стороны и где-то в конце светлую точку, имеет право на перевод, потому что надо доверять нашему читателю, потому что нам читатель достаточно разбирается в книгах, и никто его не поколеблет, и пусть он знает всю широту и полноту зарубежной литературы.

[...]

Книга во мне вызывает сомнение, не скрою, и не в плане того, переводить ее или не переводить, а в том плане, что хотел Жоржи Амаду этим сказать. И именно потому, что книга во мне вызывает сомнение, я и хотела обсудить эту книгу, чтобы где-то эта книга не вызвала кулуарных разговоров. Права я или не права, товарищи, но есть какие-то аргументы политического порядка, и если так, то книга вызывает сомнение [...] Она читается хорошо, и в хорошем переводе у нас эта книжка пойдет нарасхват. Но не об этом сейчас стоит говорить. А говорить стоит о том, что она представляет собой в творчестве Жоржи Амаду. Не стоит ли нам, если эта книга будет издаваться, снабдить ее каким-то предисловием? Он наш большой друг, он нам очень нужный человек, и я, как вы все, знаю Жоржи Амаду уже 12 лет и с ним хорошо знакома. И с руководящими деятелями коммунистической партии Бразилии мне тоже приходилось говорить. Но все дело в том, что я попросила бы не глушить инициативу тем, что вот Престес сказал или еще кто-то сказал [Л. 28-29].

В дискуссию вмешивается Базарян: «Нельзя не считаться с Престесом» [Л. 29], на что председательствующая отвечает: «Но это было сказано в какой-то неофициальной беседе» [Л. 30]. Базарян объясняет, что «это было сказано с трибуны Высшей партийной школы». На это Колчина напоминает, что Союз писателей любит Жоржи Амаду и что

«Жоржи Амаду – настоящий коммунист, и не надо сомневаться в Жоржи Амаду» [Л. 30], а Базаряну следовало хотя бы прочитать его книгу и тогда уже выступать в защиту автора. Далее следует вопрос Колчиной Калугину: «В чем Вы видите пафос этой книги?». Калугин вновь отказывается выступать, пока не будут сформулированы критические замечания, и ограничивается репликой, что «книга эта представляется не такой публицистичной, как "Подполье свободы", но книга хорошая». В завершение Колчина приходит к заключению:

Вот содержание. Буржуа приезжает в захолустный город, город становится капиталистический и благодаря его усилиям начинает процветать. И даже торжествует мораль, потому что раз раньше муж, который убивал свою жену, не считался преступником, а теперь считается, и его заключают в тюрьму, значит, торжествует мораль. Вот это у меня вызывает сомнение.

Я знаю, что в Бразилии ставка на создание единого национального фронта, но мне казалось бы, что в этом случае палка несколько перегнута [Л. 31].

Калугин отвергает утверждение Колчиной, заявляя, что не считает, что Амаду хотел «политическую линию провести» при написании «Габриэлы...», это «книга – поэтическая, романтическая история» [Л. 31]. Колчина отвечает ему: «Но тем не менее существует факт, что буржуазия принесла процветание этому городу» [Л. 32]. И дискуссия продолжается, обретая комические черты для тех, кто знакомится с ней сегодня. Калугин заявляет, что «ведь и капитализм является прогрессивным по отношению к феодализму» [Л. 32], в ответ на что Колчина фактически приговаривает к позорному столбу «мулатку Габриэлу», поскольку она получает удовлетворение от замужества с капиталистом:

С приходом капитализма пришел прогресс, но пришел и эксплуататор. И если бы это была книга о любви, тогда другое дело, но в книге два плана: один план – это процветание города с приходом буржуазии, а другой план – это любовная линия; причем, что особенно вызывает в данном случае у меня раздумье, это то, что «Габриэла» повторяет «Красные восходы» и бегство от засушливых земель, но какую концовку здесь дает Амаду? Эта милая девушка мулатка Габриэла выходит замуж за торговца и очень этим довольна [Л. 32].

Калугин утверждает, что к этой книге надо подходить иначе, чем это делали ранее по отношению к другим книгам, но «то, что эта книга менее публицистична, чем другие, это может быть лучше» [Л. 33]. Колчина в ответ выступает с коротким циничным комментарием, утверждая, что «в одном плане она публицистична», намекая, что Амаду выступает в роли пропагандиста капитализма. Калугин продолжает:

Дело в том, что Житков рассказывал, что сам Жоржи Амаду говорил, что он сейчас уже отходит от того стиля повествования, в котором было написано, например, «Подполье свободы». Это уже в несколько другом плане. И книгу эту не следует рассматривать только с точки зрения политического смысла. Вы возьмите Альберто Моравиа, его рассказы.[...]

Вы не можете отрывать писателя от его книги. То, что Вы говорили, что Жоржи Амаду – хороший писатель и большой наш друг, и друг для Латинской Америки, для компартии, несмотря на свои ошибки, но что он заслуженный человек, поэтому он вправе строить свои романы неодинаково. Если он строил свое «Подполье свободы» в одном плане, а «Гарбриэлу» – в другом плане, тут нет ничего плохого, там нет фашизма, нет человеконенавистничества, нет ничего такого, что можно поставить ему в упрек. Да и в предисловии можно кое-что оговорить, так как ни одна почти зарубежная книжка не выпускается без предисловия [Л. 33].

Колчина обращается к нему с просьбой высказать свое мнение. «То, что Вы говорите, – что с приходом капитализма город начал процветать, так во всех его романах эта линия проводится», – отвечает на это Калугин [Л. 34]. Тогда Колчина заявляет: «Но там доказывается, как это отразилось на родине, на народе». Калугин возражает:

Но я не вижу это основанием для того, чтобы брать эту книгу под сомнение, не вижу здесь никакого криминала. Известная эволюция в творчестве писателя и, повторяю, как это ни парадоксально, то, что она менее публицистична, это может быть даже лучше. Вот это стремление превратить романы в публицистические произведения, это до некоторой степени вредило и явилось минусом в «Подполье свободы». Этого минуса здесь нет. Но наряду с этим есть другие минусы – он слишком уклонился от этой темы [Л. 34].

Колчина, в свою очередь, отвечает:

У него очень много рассуждений такого порядка экономического, политического. Он много говорит о политике.

Я даже думаю, что эту линию в данном случае ему бы лучше было пропустить, потому что любовная линия восхитительна. А там есть такие вещи, с которыми я согласиться не могу, и я об этом даже написала Жоржи Амаду, и от этого отказаться нельзя. Если бы это была только одна любовная история, тогда было бы интереснее читать, а тут есть вещи, против которых нужно спорить [Л. 34-35].

Товарищ Базарян замечает, что «это обсуждение имеет целью посмотреть, стоит ли издавать книгу или не стоит, и если издавать, то не нужно ли предисловие» [Л. 35-36], но это предложение отвергается Колчиной. Далее Базарян говорит:

Обсуждать для того, чтобы посмотреть цель книги и решить судьбу книги, а просто так никто бы не пришел.

У Вас неправильное представление о моем мнении о Жоржи Амаду. Вы думаете, что я горячий защитник его, и это показывает, что Вы абсолютно игнорируете мое мнение. Я, пожалуй, больше всех присутствующих знаю его. Я знаю его с 44-го года и работал с ним, и в Париже встречался, и здесь, и знаю его хорошо. Вы неверно оцениваете его, как Вы говорите, что он настоящий коммунист. К сожалению, я должен сказать, что он никогда не был настоящим коммунистом – ни в 44-ом, ни в 51-м гг., ни сейчас. Он принадлежит к тем товарищам, которые, как говорят в Бразилии, гермафродит: то ли он партийный, то ли не партийный. Он мелкобуржуазный интеллигент, который полностью поддерживает партию. Последнее время Жоржи Амаду ничего не хочет дать партии, а все хочет взять от партии. Разве это настоящий коммунист? [Л. 36]

Колчина просит «не осуждать Жоржи Амаду», и товарищ Базарян продолжает:

Но, несмотря на это, я думаю, что книгу Жоржи Амаду надо печатать. Амаду – очень авторитетный человек и не печатать его, значило бы критиковать его, и это могло бы отрицательно подействовать на него. Вы говорите, что он не обидится. Он обидится, уверяю Вас. Я

думаю, что какие бы там ни были ошибки в книге, если, конечно, это не грубые политические ошибки, а мелкие ошибки, книгу Амаду надо издавать, но необходимо написать предисловие [Л. 36].

В этот момент он приводит аргументы, которые не лишены чувства юмора:

...у Вас вызывает сомнение то, что он показывает прогрессивную роль буржуазии и то, что девушка-мулатка выходит замуж за торговца. Но когда это происходит? Это происходит в 26-ом году, когда буржуазия играла более прогрессивную роль, продолжает еще играть, и если Габриэла не вышла замуж за коммуниста, то, может быть, потому, что коммунистов тогда было очень мало.

Что касается мнения Престеса, то он высказал свое мнение на общем собрании в Высшей Партийной школе и сказал: (цитирует)⁵⁹. Нельзя отрывать человека от его произведения [Л. 36].

Колчина возражает: «Это не значит, что мы должны его издавать» [Л. 37], на что Базарян вновь повторяет, что Амаду не является подлинным коммунистом:

Он сам, Амаду, не считает себя настоящим коммунистом. Однажды было обсуждение его книги «Подполье свободы», и он сам сказал, что он – мелкобуржуазный интеллигент и повторил слова Ленина относительно Горького. Такую параллель он провел. И Вы напрасно выступаете против якобы частных разговоров Престеса.

[...]

Но Жоржи Амаду слушает Престеса, т.е. он настоящий друг партии и друг Советского Союза. Об этом речь и идет.

Конечно, нехороший способ, не читая книги, рекомендовать ее к печати, но если там нет крупных политических ошибок, надо стараться издать книгу [Л. 37].

Наступила очередь для выступления А.Э. Сиповича. Он говорит, что знает об ошибках Амаду, и взял слово не для того, чтобы защищать политическое реноме автора, а чтобы защитить «лучший новый роман Амаду, который имеет большую мировую прессу, который переводится

---

⁵⁹ К сожалению, нам пока не удалось найти текст, зачитанный Базаряном.

и частично уже переведен во многих странах...» [Л. 38]. Колчина замечает: «В Германии и Румынии отказались его переводить» [Л. 38]. Сипович отвечает:

... а у нас [книга] не будет переведена и издана, то остается в силе вопрос о возможной обиде Амаду. В чем она будет заключаться? В том экземпляре, который я имел, издания 58-го года, там приводится перечень переводов книги Амаду на разные языки, и там сказано, что на чешский язык переведено 20 книг Амаду, а на русский четыре (перечисляет книги). Мы знаем, что это передержка, извините за выражение. Некоторые вещи не переводились. Этика издательская этого бы не позволила. Но за этой выходкой издательской что стоит? Было бы странно, что чешские переводы Амаду занимают такое большое место, а русские переводы, которые читаются во всех странах народной демократии, займут столь скромное место. И оказывается, что Чехословакия культурнее нас и проявляет в четыре раза больше интереса к Амаду, чем мы. И эту бестактность издательства мы должны принять как намек.[...]

Теперь я беру слово для реплики адвоката, который хочет возразить двум людям: председателю и Надежде Яковлевне. Они что-то поставили в вину Амаду, чего я не ожидал. Политический план, что где-то в кулуарах что-то говорится; вот эти поиски капиталистических отношений, в жизни, в быту, потому что капитализм пришел так поздно, они не повлекли за собой коммунистического движения и рабочих выступлений. Политически грамотно это сделано на сто процентов. Слабых сторон книги Амаду я пока не касался, потому что я – адвокат.

Теперь относительно аналогии с «Красными всходами». В «Красных всходах» громадная, самодовлеющая часть романа, о которой Эренбург сказал, что это самое лучшее, что сделано Амаду. В данном романе это совершенно эпизодический момент [Л. 39-40].

Колчина защищается: «Я говорила не о том, что здесь повтор, а о том, что пафос и концовка – разные. Там люди борются, погибают, а здесь человек, который приходит в город, где развивается капитализм, нашел свое счастье. Та же самая идея, но разрешение она получила другое» [Л. 40]. Тогда Сипович продолжает:

Теперь так. Приходят эти люди в город, где находится 10 или 15 человек коммунистов. Что они могут сделать? Пришла Габриэла

и устроила свою судьбу. А Вы не помните, что там рассказывается, сколько людей погибло?

Один бразильский критик хвалил этот роман, совершенно неосновательно за то, что в нем новая любовная линия, новая любовная пара, которая войдет в литературу как новые Ромео и Джульетта, Фанте и Франческа.

Это абсолютно неверно, и это мелкобуржуазная передержка, которая в комментариях не нуждается. Габриэла поступила в кухарки и устроила свое счастье. Надежда Яковлевна ей поставила это в вину. Но она устроилась в кухарки и наставила мужу рога, и трагедию переживает только этот сириец. Было бы ужасно, если бы в романе она поняла соотношение классовых сил, приняла участие в революционном движении и возглавила пролетариат. Это было бы страшной передержкой. А Амаду – честный художник. И это показ быта Бразилии [Л. 40].

Колчина вновь берет слово:

Товарищи! Я пока что высказала только свою точку зрения на книгу. Доводы, которые товарищи приводили: сказал Житков, сказал Престес, Амаду обидится, и если кто-то будет говорить, что чехи издают, а мы не издаем, – это не доводы. Это учитывается, но тем не менее, на нас не налагает обязательства издавать книгу Амаду. Это не аргументы [Л. 41].

Н.Я. Тульчинская до самого завершения дискуссии выступает против публикации романа. Она говорит, что ей представляется очень странным, что «очаровательная, вообще симпатичная девушка и девушка, которая прошла очень тяжелый путь» и «устраивает свою судьбу», после свадьбы с сирийцем, который боится потерять ее, если она уйдет к другому, «наставляет мужу рога» и «мечтает о том, чтобы вернуться к нему обратно в кухарки и чтобы он приходил к ней ночью и клал свою толстую ногу ей на живот» [Л. 42]. Базарян ей отвечает: «Но это очень похоже на бразильянку». Тогда она подводит итог, говоря с оттенком расовой предвзятости:

Она счастлива тем, что после того, как он побывал у проститутки, он приходит к ней. Это страшно. Но если бы я почувствовала протест у Амаду, тогда другое дело, но у него нет этого протеста. И вот эта линия красной нитью проходит через весь роман. Дело не в том,

что буржуа пришел в город, а в том, что новый человек умер. И все проходит мирно: одна линия кончается мирно, вторая линия кончается мирно, и наконец, и третья линия, религиозная, кончается мирно. Сидит буржуазия, несут иконы, Габриэла высказывает и вместе с буржуазией идет в религиозном празднике. [...] Я не хотела бы показывать советско-му читателю мулатку, которая счастлива такой судьбой. Это неправда.

Я говорила с Инной Юрьевой (Тыняновой), и она тоже сказала, что как-то слишком эротична вся эта книжка. И говорить, что эта книжка – шаг вперед, это ужасно. И в первой части героини нет. Он находит эту кухарку только во второй части, и думаешь, что вот, наконец, начинается. И когда начинается эротичность в других книжках, меня это не смущает, потому что я чувствую здесь негритянскую чувственность, и естественно, что автор это передает. Но когда он берет эротику напрокат у французов, – это не шаг вперед, потому что это не мертвая дама с черными чулками, это не просто – Moulin Rouge, а это накопление всего эротического при отсутствии другого, и это не оправдано [Л. 42-43].

Позднее, в интервью газете “Diário de Sorocaba” Базарян подробнее говорит об этом, отвечая на вопрос о восприятии «Габриэлы...» в СССР: «На самом деле, (советский) народ поддерживал его (Амаду). А критиковали его официальные писаки» [Uma entrevista 1970] [Перевод мой – М.Д.]. На вопрос журналиста о его предыдущих высказываниях, когда он говорил, что роман критиковали за «чрезмерное внимание к сексу», и о том, что Амаду после такого приговора якобы заявил, что «современная советская литература до такой степени игнорирует вопросы секса, что возникает опасность того, что будущие поколения не будут знать, откуда берутся дети», Базарян отвечает: «На этот раз он пошутил, это понравилось русским, и они смеялись по поводу его замечания» [Uma entrevista 1970: 13] [Перевод мой. – М.Д.].

Во время обсуждения в Союзе писателей Н.Я. Тульчинская продолжала утверждать, что «книга тяжелая», «нет ветерка, не открыта форточка», «это хуже, чем у Эрих Мария Ремарка» [Л. 44]. Мнение Тульчинской настолько негативно, что она даже заявила:

У Ремарка чувствуется гнет социальный, а эта книжка тяжелая. И даже это изображение на обложке женщины, у которой нет ничего – ни характера, ни лица, а есть только груди. Я не труслива, не ханжа и немножко чувствую Бразилию, но меня книжка неприятно поразила. И я вас уверяю, что так, как я сказала вам, я сказала и Жоржи Амаду. Во

время фестиваля я это ему сказала, и он воспринимает критику совсем не так остро, как вы воспринимаете.

[...]

Герои этого романа Амаду не дописаны, они проходят, как тени, они не вырисованы, у них нет жизни. Весь этот роман построен на конфликте этой девушки, а девушка взята тоже не социально.

[...]

Вот что я скажу об этом романе и потом скажу на следующем заседании. А нужно ли печатать, – это надо мотивировать. А не надо бояться того, что он может обидеться. Мы можем оказать ему этим медвежью услугу. Я считаю, что этот его роман – случайность [Л. 44-45]

Отвечая на это, Калугин заявляет, что роман бразильского автора отражает его «закономерную эволюцию» и что «он очень эмоциональный человек, а в этом романе как-то отсутствует эмоция» [Л. 45]. Наконец, после этого высказывается В.Н. Кутейщикова, ее выступление заняло пять стенографических страниц, при этом она поддерживает публикацию книги:

[...] с точки зрения художественной убедительности этот роман произвел на меня большее впечатление, чем всеми уважаемый и всеми любимый, хороший и ценный роман «Подполье свободы». [...] И здесь я почувствовала национальную атмосферу, национальный дух. Образы людей и этой Габриэлы, поведение которой вряд ли может показаться нам понятным, последовательным и достойным подражания, вырисованы хорошо, и несмотря на все это, я очень в нее поверила. Дело не в том, что она вызывает восторг, но это кусок какой-то очень непохожей нам эпохи, каких-то таких проблем, которые до сих пор в произведениях Амаду не ставились.

Разумеется, политический накал этого произведения иной. Но я бы хотела посмотреть на это иначе. Для всех нас Амаду был и остается человеком, близким по духу, участником национальной борьбы в Бразилии. Что заставило художника обратиться к такой теме?

Я думаю, что эта книга есть результат какой-то самокритической оценки Амаду того, что он писал до сих пор. В «Подполье свободы» как синтез того политического пафоса, который он выражал в своих произведениях, был элемент идеализации мечты, элемент принятия желаемого за действительное. И это хорошая мечта. Но вместе с тем художественно это, видимо, было недостаточно убедительно.

Что произошло с книгой? Надо попытаться критически анализировать. Ведь речь идет не о том, что его восторженно приняла критика, что не является для нас показателем успеха. Ведь для всей литературы латиноамериканской стоит проблема воплощения подлинной национальной действительности, приобретения истинно национального характера.

[...]

Амаду дошел до политического пафоса в «Подполье свободы», но в нем не хватало национальной основы.

[...]

Я прошу прощения, но эти соображения имеют интерес, и вы поймите меня правильно. Мне казалось, что эта публицистичность, этот политический пафос, отрешенный от национальной основы в «Подполье свободы», заставил Амаду вновь пересмотреть свое художническое мастерство. И вот появление «Габриэлы» в бразильской печати объясняется прежде всего, видимо, тем, что она ответила; каким-то затаенным, может быть, не совсем положительным, но очень коренным национальным чертам бразильцев, что видели многие бразильские женщины в этом себя. И я думаю, что все, что связано именно с национальным духом: вот фольклорность, эта поэтичность, эта национальная атмосфера, она, видимо, действительно выросла из этого. И поэтому для меня показалось это очень интересно.

Конечно, что-то в этом нас может шокировать, очень много эротических сцен, но они и в прошлых вещах были.

Я думаю, что эта книжка прежде всего заслуживает какого-то внимания именно этой своей спецификой, этой своей атмосферой, а также образом Габриэлы, очень жизненным, с очень бразильскими чертами, он явился большим художественным открытием [Л. 45-49].

Тульчинская здесь прерывает ее: «Нет, этот тип в каждой бразильской книжке найдете» [Л. 48]. Однако Кутейщикова делает вывод, что Габриэла имеет «очень большой человеческий смысл»:

Я думаю, что это произведение, безусловно, должно быть издано, потому что это действительно большое художественное произведение, о котором никто не спорит, а раз так, оно должно иметь право на существование на русском языке. И в данном случае я исхожу из интересов нашего широко образованного и эрудированного читателя, который сам разберется и оценит то, что там есть, и, безусловно, с по-

мощью квалифицированного предисловия, которое проанализирует это произведение [Л. 48-49].

Калугин вновь повторяет, что считает целесообразным проводить параллели между этой книгой и романом «Бескрайние земли»: «Если бы это произведение разбирать, то много нашли бы там спорного» [Л. 49]. Дашкевич также выступает в защиту публикации, но при этом выдвигает новые аргументы:

Я читал роман «Габриэла» не как читатель, не как переводчик, не как критик. Мне пришлось читать как редактору всего произведения для публикации этого произведения журнале. Я очень внимательно выслушал все высказывания за и против здесь, и мне кажется, что во всех наших высказываниях здесь как за, так и против, мы забываем одну из сторон, а именно жанровую сторону этого произведения Жоржи Амаду, – то, что им было задумано и осуществлено это произведение как сатирический роман. Кстати говоря, и эта обложка это показывает [Л. 49-50].

Дашкевич продолжает утверждать, что в романе содержится «сатирический элемент», и приводит в обоснование описание «Песня зоны какао», которым открывается книга, добавляя:

Когда Жоржи Амаду был в последний раз в Москве, он побывал и в нашей редакции. Там примерно три с половиной часа велись с ним беседы, он рассказал, почему он написал такое произведение. Он, в частности, сказал: «Мне хотелось бросить вызов литературе так называемого пессимистического реализма, т.е. литературе упадочничества, безысходности, наводняющей книжный рынок Бразилии мрачными по духу произведениями... Мне бы хотелось написать солнечную книгу, которая бы читалась всеми... потребовала бы от нашего читателя задуматься над многими явлениями действительности».

[...]

Я читал этот роман достаточно предвзято. Я как-то не мог избавиться от мысли, которая меня буквально преследовала. Я читаю произведение человека, у которого были чрезвычайно сложные политические завихрения и в вопросе о Пастернаке, и в вопросе о Венгрии. Но это было первое произведение после всех этих завихрений. Поэтому я читал достаточно скептически этот роман [Л. 50-52].

По собственному утверждению Жоржи Амаду, сделанному им в беседе с Алисой Райяр [Raillard 1990: 214], издававшаяся им газета *Para Todos* («Для всех») заняла в отношении венгерской революции октября 1956 г. позицию, противоположную позиции КПСС. Впрочем, Венгрия в течение 1956 г. лишь три раза упоминается в газете Амаду, о начале выхода которой сообщала «Иностранная литература» и публикации которой многократно воспроизводились на страницах этого советского журнала; но ни в одной из этих публикаций не было прямого указания или подробного освещения кризиса, разразившегося тогда в этой стране.

Так, несмотря на упомянутую Ю.В. Дашкевичем позицию писателя, заслуживавшую, с советской точки зрения, осуждения, Амаду по-прежнему не задумывался о своих взаимоотношениях с гейткиперами или, по крайней мере, с большинством из них.

Здесь представляется уместным привести письмо Жоржи Амаду Илье Эренбургу, находившемуся в Стокгольме, которое мы нашли в российском архиве, от 31 марта 1956 г., отправленное из Рио-де-Жанейро и сохранившееся в крайне измятом и грязном виде⁶⁰. В этом письме бразильский писатель сообщает о публикации произведений Эренбурга, которую тот поручал ему организовать в Бразилии, пишет о невозможности навестить его в Швеции и упоминает в шутовском тоне, будто они уже обсуждали этот вопрос как старые друзья раньше, о «секретном докладе» Н.С. Хрущева (всего лишь через месяц после того, как этот доклад появился):

Знаю, что тебе нравятся занимательные истории, и хочу рассказать тебе, что только что получил письмо от Энрике Аморима, в котором он пишет: «XX съезд упразднил культ личности. Одним из ярких примеров такого культа личности, политически ошибочного и вредного, является оголтелый культ личности Пабло Неруды. Особенно – проявляемый французами. В свете решений XX съезда необходимо положить этому конец. Долой Неруду!». Как видишь, XX съезд потрясает самые отдаленные закоулки лагиноамериканской литературы, ударяя также по нашему дорогому Пабло, который, кстати, спокойно пребывает в Чили, предаваясь любви и написанию новых од. Я недавно получил от него вести, и у него все в порядке.

---

⁶⁰ РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Ед.хр. 1207. Создается впечатление, что письмо сначала было выброшено в мусор, но потом оттуда извлечено.

Между тем, в ходе продолжавшейся дискуссии в Союзе писателей по вопросу об издании книг Жоржи Амаду Ю.В. Дашкевич, после многочисленных оговорок, приходит к положительному решению:

Но однако я никак не могу согласиться с оценкой Надежды Яковлевны, что это такое мрачное произведение, пессимистичное, что душно становится и не хватает воздуха, когда читаешь его. Мне думается, что читается этот роман легко и все же воспринимается он не как многопудовая глыба.

Надежда Яковлевна заметила, что она не может себе представить, как так мулатка остается довольной, удовлетворенной тем потолком, той жизнью, которой она достигла. Мне пришлось бывать в Бразилии и, в частности, встречаться с мулатами и неграми, которые были счастливы той атмосферой, в которой они жили [Л. 52].

На это Тульчинская отвечает: «И Вы считаете это типическим?». В свою очередь, Дашкевич возражает: «Я видел негров-фашистов, которые считали, что ничего нет лучше фашизма». Тогда Тульчинская заявляет: «Но они не представляют для нас народ» [Л. 52]. И Дашкевич продолжает:

Но если мы заглянем в ту же самую историю Бразилии, я могу назвать несколько имен президентов Бразилии, которые были мулатами и неграми и которые считали, что [нет – *М.Д.*] ничего лучшего в жизни.

Вообще мне кажется, что нет никаких серьезных оснований, которые бы препятствовали изданию этого романа у нас в Советском Союзе. Должен заметить, что, выступая у нас в редакции, я высказал отрицательное мнение по вопросу возможности публикации его в нашем журнале, ибо само произведение как по своему объему, так и по некоторым особенностям, оно не журнальное. Но в отдельном издании книга не будет выпячивать то, что стало бы восприниматься чересчур акцентированно при публикации романа в отдельных номерах журнала при продолжениях. Вот та же «Триумфальная арка» (Ремарка), которая наделала шум, она вызвала бы значительно меньше шума, если бы была издана отдельной книгой [Л. 52-53].

Вслед за этим Дашкевич говорит, что его журнал «Иностранная литература» посчитал необходимым проинформировать читателей о выходе нового произведения и реакция публики была колоссальной,

редакция была завалена письмами «из всех уголков Советского Союза», «индивидуальными и коллективными», с требованием публикации «Габриэлы...» [Л. 53-54].

Е.М. Колчина с беспокойством напоминает об еще одном обстоятельстве – Амаду в своем романе, как он и заявлял ранее, отказывается от пессимистического реализма, но при этом находит счастливый конец «в союзе с буржуазией, мир с буржуазией» [Л. 55]. Она вновь вспоминает венгерский вопрос, дело Пастернака и создание газеты *Para Todos*. Колчина также просит Кутейщикову объяснить свои слова о том, что она увидела «национальный характер книги, что есть там "couleur local"» и продолжает:

Почему меня взволновало это произведение? Было интервью с Амаду, и Бравин его спросил, какой прогрессивный характер для литературы Бразилии имеет это произведение. И Амаду сказал, что самое ценное, чтобы был национальный момент, а будет ли произведение социальным или не будет, будет ли оно за что-то бороться или не будет и отражать местный колорит, это неважно. И когда я прочитала этот роман, у меня возникло такое сомнение: не является ли этот роман реализацией каких-то его теоретических положений? И тогда получится совсем другой колорит.

Тут говорили, что в рецензии упоминалось об идеализации. Элемент идеализации опять присутствует, но идеализация того, что трудно было ожидать от творчества такого писателя, каким является Амаду.

Юрий Владимирович сказал, что замыслом автора было бросить вызов пессимистической литературе. И он так и сделал, и написал произведение, которое совершенно ясно показывает выход. Где этот выход? В союзе с буржуазией, мире с буржуазией.

[...]

Дело не в том, что она мулатка и что были и президенты мулатами, а дело в том, что девушка из народа, которая символизирует народ, она из этого мрачного прошлого, – и Амаду недаром повторяет очень бегло «Красные восходы», которые кончатся очень плохо, – эта Габриэла нашла выход, и он дает выход [Л. 54].

В этот момент Дашкевич, видимо, упустил нить дискуссии, заявляя: «Не выход, а вызов я говорил» [Л. 55], – и повторяет отрывок из Амаду, который он зачитывал ранее. Колчина отвечает: «Правильно, но напрашивается известный вывод. Прежние книги пессимистичные,

а эта – солнечная книга. И в чем его герой находит этот выход? [...] Но для Амаду – прогрессивного писателя, к которому прислушивается вся Латинская Америка, это страшно» [Л. 56]. Кутейщикова отвечает на это заявлением, которое, похоже, шокирует председательствующую: «В рассуждениях товарищей есть вот такая неправильность. Для писателя чрезвычайно важно, чтобы его знали и его читали. Он пишет для народа, а не для тех 200 членов компартии, которые есть в Бразилии» [Л. 56]. Колчина с возмущением возражает ей: «Какую страшную точку зрения ты высказываешь. Эти 200 человек – и есть народ». На это Базарян иронично замечает: «Вы, конечно, читали программу компартии Бразилии. Но теперь речь идет не о программе. Речь идет о едином национальном фронте, чтобы бороться против одного врага. Книга принесет только пользу для этой борьбы» [Л. 56-57].

Тогда Колчина вновь возвращается к событиям 1956–1958 гг.:

Вы поняли правильно. Именно книга написана с позиций защитника и создателя единого национального фронта. Я не против Ж. Амаду, потому что я предполагаю, несмотря на то, что знаю все его колебания в отношении Пастернака, в отношении Венгрии, XX съезда и т.д., – я знаю, с какой целью он создал журнал «Паратодус», и не черню его образ борца. И я предполагаю, что человек желает служить интересам единства национального Фронта...

Калугин прерывает ее: «Мы слишком много предполагаем, что думает Амаду»... Колчина продолжает:

И я считаю, что издать книгу возможно и, может быть, надо. И я буду рада за читателей, если они прочтут эту книгу на русском языке. И я не столько беспокоюсь о книге, сколько о вашей статье, которая появится в вашем журнале⁶¹. [...] мне кажется, не является ли эта книга реализацией его кредо эстетического.

А бить палкой по голове, конечно, не надо.

[...]

Я считаю только одно, что писатель такого профиля, как Амаду, не имеет права говорить, что мы идем вместе с буржуазией и все разногласия сняты [Л. 57].

---

⁶¹ Статья Калугина [Калугин 1960: 251-252] о романе «Габриэла...» была опубликована лишь в декабре 1960 г., то есть год спустя.

Базарян вновь обращается к фигуре Престеса в качестве аргумента: «В статье Престеса сказано, что теперь на первое место выступает единство национального фронта. Я уверен, что после этого романа появятся другие романы, в которых не будет социального звучания» [Л. 58]. Кутейщикова дополняет: «Это то интервью, которое он дал по поводу единого национального фронта интеллигенции, этот документ» [Л. 58]. Возможно, Базарян говорит о статье Престеса «Политическая ситуация и борьба за национально-демократическое правительство», опубликованной лидером бразильских коммунистов в январе 1959 года в издательстве «Витория» (Editorial Vitória), которое выпустило написанную Амаду, но впоследствии им же отозванную книгу «Мир мира» (*O Mundo da Paz*): в ней писатель восхвалял Сталина. Колчина вновь переводит разговор в идеологическую плоскость: «Дело не в этом. Вопрос такой: какой должна быть прогрессивная линия. Юрий Александрович со мной согласен» [Л. 58].

После этого был поднят вопрос об отсутствии в произведении внутреннего конфликта, и Базарян, не читавший книгу, соглашается: «...то, что нет конфликтов в этой книге, это очень серьезный недостаток» [Л. 60]. Калугин вновь выступает в защиту книги: «Одно дело обсуждение, а другое дело рассмотрение романа с точки зрения художественной. И с художественной точки зрения – это большой шаг вперед, а с политической – нет» [Л. 60]. Тульчинская отвечает ему: «Но если художники изображают неправду – это уже нехудожественно. А полезно ли это для Амаду и для бразильцев? Какой будет резонанс, надо подумать. В таких случаях надо посмотреть, кто хвалит, за что хвалит и почему хвалит. Тут надо очень тонко в этом разобраться» [Л. 60]. Время заканчивается, и А.Э. Сипович вносит свой последний вклад в дискуссию:

Вот тут спрашивали, над чем Амаду смеется. Никто из выступавших не упомянул о большой линии, которая проходит через весь роман и которая занимает большее место, чем вся история с Габриэлой, – это борьба предвыборная, муниципальная между партией [нрзб] – полковников и либералов, представляющей собой восходящий класс. Это очень острая тема. А вот там-то и есть смешное, момент сатиры [Л. 61].

Тульчинская настаивает на своем несогласии: «Это страшно, а не смешно». Тогда Базарян напоминает случай с бразильским носорогом Какареко: «Товарищи, недавно в Бразилии избирали бегемота,

и бегемот получил 195 тысяч голосов» [Л. 61], – и рассказывает о голосах избирателей города Сан-Пауло, поданных на выборах в знак политического протеста за животное, привезенное в местный зоопарк из Рио-де-Жанейро, в результате чего носорог оказался избран в городской совет в октябре 1958 года. На этом Колчина закрывает обсуждение ввиду позднего времени, благодарит за участие в «содержательном» разговоре и «активном» совещании.

Как видно из материалов, реакция на «секретный доклад» Н.С. Хрущева вовсе не способствовала принятию положительного решения о публикации романа «Габриэла...» в СССР – несмотря на поступившее незадолго до того указание ЦК КПСС увеличить количество изданий книг «друга СССР» Жоржи Амаду.

В период, последовавший непосредственно за 1956 годом, и в начале 1960-х годов количество изданий произведений бразильского автора падает, и их публикация в СССР сталкивается с определенным сопротивлением, что порождает в советском руководстве колебания в отношении к Амаду. Одним из признаков этого может служить сам факт предварительного обсуждения его произведений, что стало нововведением для членов Союза советских писателей, а также постановка под сомнение некоторыми представителями советской интеллигенции правомерности отнесения автора к числу «прогрессивных» писателей – и подобные фильтры, вводимые советскими гейткиперами, следует учитывать при анализе ситуации с публикацией книг Жоржи Амаду в СССР.

Как бы там ни было, хрущевский доклад не только привел к «внутреннему освобождению» писателя от его обязательств по отношению к реализму (как бы его ни называли – пессимистическим, критическим или «реализмом зеленого ада»), но и дал импульс к более тщательному изучению советской интеллигенцией его творчества, ставшего к этому времени менее памфлетным, а также привел к тому, что в документах отдела культуры ЦК КПСС, посвященных деятельности бразильца, стали отмечаться «темные пятна» на его политической биографии.

Архивные документы, как представленные, так и не представленные в этой статье, дают ключ к пониманию истинных причин, по которым советские гейткиперы допустили к публикации одни произведения Амаду (как, например, роман «Габриэла...», несмотря на политический поворот, совершенный писателем в это время) и отложили в долгий ящик другие (такая участь постигла «Капитанов песка»), а также и других особенностей советской издательской политики, связанных с явлением гейткипинга.

ЛИТЕРАТУРА

[Азов 2013] – *Азов А.* Поверженные буквалисты: Из истории художественного перевода в СССР в 1920–1960-е годы. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013.

[Амаду 1935] – *Амаду Ж.* Автобиография // Интернациональная литература. 1935. № 8. С. 182.

[Белякова 2010] – *Белякова Е.* Русский Амаду и бразильская литература в России. М.: ИЛА-РАН, 2010.

[Блюм 2004] – *Блюм А.В.* Цензура в Советском Союзе 1917–1991. Документы. М.: РОССПЭН, 2004.

[Водопьянова 2001] – *Водопьянова З.* Аппарат ЦК КПСС и культура 1953–1957. Документы. М.: РОССПЭН, 2001.

[Амаду 1958a] – Жоржи Амаду // Иностранная литература. 1958. № 3. С. 222.

[Амаду 1958с] – Жоржи Амаду // Иностранная литература. 1958. № 6. С. 218.

[Амаду 1958b] – Жоржи Амаду о влиянии иностранной литературы на литературу Бразилии // Иностранная литература. 1958. № 5. С. 272.

[Амаду 1960] – Жоржи Амаду о долге литератора // Иностранная литература. 1960. № 12. С. 255.

[Калугин 1960] – *Калугин Ю.А.* Мулатка Габриэла из края какао // Иностранная литература. 1960. № 12. С. 251–252.

[Колчина 1962] – *Колчина Е.* Далекий и близкий друг. Ж. Амаду 50 лет // Известия. 1962. 9 августа.

[Котов 1962] – *Котов М.* Всегда в сражении. Ж. Амаду 50 лет // Советская культура. 1962. 11 августа.

[Кутейщикова 1954] – *Кутейщикова В.Н.* Жоржи Амаду. М.: Знание, 1954.

[Кутейщикова 1962a] – *Кутейщикова В.Н.* Наш друг Ж.Амаду // Иностранная литература. 1962. № 9. С. 198–199.

[Кутейщикова 1962b] – *Кутейщикова В.Н.* Тепло неутомимого сердца. К 50-летию Ж.Амаду // Красная звезда. 1962. 10 августа.

[Мнухин, Авриль 2008] – *Мнухин Л., Авриль М., Лосская В.* Российское зарубежье во Франции, 1919 – 2000. М.: Наука, 2008.

[Новые книги 1934] – Новые книги. Бразилия // Интернациональная литература. 1934. № 6. С. 124.

[Пантелеев 2005] – *Пантелеев М.* Агенты Коминтерна. Солдаты мировой революции. М.: Яуза; ЭКСМО, 2005.

[Петрушева 1962] – *Петрушева Л.* Певец борьбы и свободы // Комсомольская правда. 1962. 11 августа.

[Пламенный борец 1962] – Пламенный борец за мир и свободу народов // Советская культура. 1962. 9 августа.

- [Тертерян 1962] – Тертерян И. Певец Бразилии // Правда. 1962. 10 августа.
- [Толстой 2009] – Толстой И. Отмытый роман Пастернака: «Доктор Живаго» между КГБ и ЦРУ. М.: Время, 2009.
- [Успех романа 1959] Успех романа Жоржи Амаду // Иностранная литература. 1959. № 7. С. 273–274.
- [Экранизация романа 1957] – Экранизация романа Жоржи Амаду // Иностранная литература. 1957. № 7. С. 280.
- [Coser 1975] – Coser, Lewis A. "Publishers as Gatekeepers of Ideas." *The Annals of the American Academy of Political and Social Science* 421 (1975): 4–22.
- [Darmaros 2017] – Darmaros, Marina. "Jorge Amado in the USSR: allowed printed, 'dangerous' on the big screen." *Brasiliana. Journal for Brazilian Studies* VI: 1 (2017): 7–27.
- [Finn, Couvée 2014] – Finn, Peter; Couvée, Petra. *The Zhivago Affair: The Kremlin, the CIA, and the Battle Over a Forbidden Book*. New York: Pantheon, 2014.
- [Miranda 1958] – Miranda, José Tavares de. [No Title]. *Folha da Noite*, São Paulo (5.08.1958): 15.
- [Neruda 2005] – Neruda, Pablo. *Confieso que he vivido*. Santiago: Pehuén Editores, 2005.
- [Peralva 1962: 186] – Peralva, Osvaldo. *O Retrato: impressionante depoimento sobre o comunismo no Brasil*. Rio de Janeiro: Editora Globo, 1962.
- [Raillard 1990] – Raillard, Alice. *Conversando com Jorge Amado*. Rio de Janeiro: Record, 1990.
- [Rougle 1984] – Rougle, William. "Soviet Critical Responses to Jorge Amado." *Luso-Brazilian Review* XXI: 2 (1984): 35–56.
- [Silveira 1958] – Silveira, Helena. "Bebendo Gabriela, Cravo e Canela." *Folha da Noite*. São Paulo (6.08.1958): 23.
- [Uma entrevista 1970] – "Uma entrevista." *Diário De Sorocaba*. Sorocaba (26.07.1970): 13.
- [Waack 1993] – Waack, William. "Camaradas. Nos Arquivos de Moscou: a História Secreta da Revolução Brasileira de 1935." *Cia. das Letras* (1993)
- [Witt 2013] – Witt, Susanna. "Arts of Accommodation: The First All-Union Conference of Translators, Moscow, 1936, and the Ideologization of Norms." *The Art of Accommodation: Literary Translation in Russia*. Bern: Peter Lang, 2013: 141–184.
- [Wolf 1987] – Wolf, Mauro. *Teorias da Comunicação*. Lisboa: Editorial Presença, 1987.

REFERENCES

Azov, A. *Poverzhennyye bukvalisty: Iz istorii hudozhestvennogo perevoda v SSSR v 1920–1960-e gody* [Vanquished Literalists: on the history of literary translation in the USSR, 1920–1960]. Moscow: Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ehkonomiki Publ., 2013. (In Russ.)

Amado, J. "Avtobiografiya." ["Autobiography."] *Internacional'naya literatura* 8 (1935): 182. (In Russ.)

Belyakova, E. *Russkij Amadu i brazil'skaya literatura v Rossii*. [Amado in Russian and Brazilian Literature in Russia] Moscow: ILA-RAN Publ., 2010. (In Russ.)

Blyum, A.B. *Cenzura v Sovetskom Soyuze 1917–1991. Dokumenty*. [Censorship in the Soviet Union, 1917–1991. Documents] Moscow: ROSSPEN Publ., 2004. (In Russ.)

Coser, Lewis A. "Publishers as Gatekeepers of Ideas." *The Annals of the American Academy of Political and Social Science* 421 (1975): 4–22.

Darmaros, Marina. "Jorge Amado in the USSR: allowed printed, 'dangerous' on the big screen." *Brasiliana. Journal for Brazilian Studies* VI: 1 (2017): 7–27.

"Ekranizaciya romana Jorge Amado." ["Screening of Jorge Amado's Novel."] *Inostrannaya literatura* 7 (1957): 280. (In Russ.)

Finn, Peter; Couvée, Petra. *The Zhivago Affair: The Kremlin, the CIA, and the Battle Over a Forbidden Book*. New York: Pantheon, 2014.

"Jorge Amado." *Inostrannaya literatura* 3 (1958): 222. (In Russ.)

"Jorge Amado." *Inostrannaya literatura* 6 (1958): 218. (In Russ.)

"Jorge Amado o dolge literatora." ["Jorge Amado on the Writer's Debt."] *Inostrannaya literatura* 12 (1960): 255. (In Russ.)

"Jorge Amado o vliyanii inostrannoj literatury na literaturu Brazili." ["Jorge Amado on the Influence of Foreign Literature over Brazilian Literature."] *Inostrannaya literatura* 5 (1958): 272. (In Russ.)

Kalugin, Yu.A. "Mulatka Gabriehla iz kraya kakao." ["Mulata Gabriela from the Country of Cocoa."] *Inostrannaya literatura* 12 (1960): 251–252. (In Russ.)

Kolchina, E. "Dalekij i blizkij drug. J. Amado 50 let." ["Remote and Close Friend."] *Izvestiya* (Aug. 9, 1962). (In Russ.)

Kotov, M. "Vsegda v srazhenii. J. Amado 50 let." ["Always in Battle. Amado – 50 years."] *Sovetskaya Kul'tura* (Aug. 11, 1962). (In Russ.)

Kutejshchikova, V.N. *Jorge Amado*. Moscow: Znanie Publ., 1954. (In Russ.)

Kutejshchikova, V. N. "Nash drug J. Amado." ["Our Friend Amado."] *Inostrannaya literatura* 9 (1962): 198–199. (In Russ.)

Kutejshchikova, V. N. "Teplo neutomimogo serdca. K 50-letiyu J. Amado." ["Kindness of Heart. Jorge Amado's 50th anniversary."] *Krasnaya Zvezda* (Aug. 10, 1962). (In Russ.)

Miranda, José Tavares de. [No Title]. *Folha da Noite*, São Paulo (5.08.1958): 15.

Mnuhin, L.; Avril, M.; Losskaya, V. *Rossijskoe zarubezh'e vo Francii, 1919 – 2000*. [*Russian Emigrees in France, 1919-2000*] Moscow: Nauka Publ., 2008. (In Russ.)

Neruda, Pablo. *Confieso que he vivido*. Santiago: Pehuén Editores, 2005.

“Novye knigi. Braziliya.” [“New Books. Brazil.”] *Internacional'naya literatura* 6 (1934): 124. (In Russ.)

Panteleev, M. *Agenty Komintern. Soldaty mirovoj revolyucii*. [*Agents of Komintern. Soldiers of the Revolution*] Moscow: Iauza Publ.; EKSMO Publ., 2005. (In Russ.)

Peralva, Osvaldo. *O Retrato: impressionante depoimento sobre o comunismo no Brasil*. Rio de Janeiro: Editora Globo, 1962.

Petrusheva, L. “Pevce bor'by i svobody.” [“The troubadour of Struggle and Freedom.”] *Komsomol'skaya Pravda* (Aug. 11, 1962). (In Russ.)

“Plamennyj borec za mir i svobodu narodov.” [“Ardent Fighter for Peace and Peoples' Freedom.”] *Sovetskaya kul'tura* (Aug. 9, 1962). (In Russ.)

Raillard, Alice. *Conversando com Jorge Amado*. Rio de Janeiro: Record, 1990.

Rouge, William. “Soviet Critical Responses to Jorge Amado.” *Luso-Brazilian Review* XXI: 2 (1984): 35–56.

Silveira, Helena. “Bebendo Gabriela, Cravo e Canela.” *Folha da Noite*. São Paulo (6.08.1958): 23.

Terteryan, I. “Pevce Brazili.” [“Minstrel of Brazil.”] *Pravda* (Aug. 10, 1962). (In Russ.)

“Uspekhi romana Jorge Amado.” [“The Success of Jorge Amado's Novel.”] *Inostrannaya literatura* 7 (1959): 273–274. (In Russ.)

Tolstoj, I. *Otmytyj roman Pasternaka: “Doktor Zhivago” mezhdru KGB i CRU*. [*Distilled Novel by Pasternak: “Doctor Zhivago” between KGB and CIA*] Moscow: Vremya Publ., 2009. (In Russ.)

“Uma entrevista.” *Diário De Sorocaba*. Sorocaba (26.07.1970): 13.

Vodop'yanova Z. *Apparat CK KPSS i kul'tura 1953–1957. Dokumenty*. [*The Apparatus of the Central CPSU Committee*] Moscow: ROSSPEN Publ., 2001. (In Russ.)

Waack, William. “Camaradas. Nos Arquivos de Moscou: a História Secreta da Revolução Brasileira de 1935.” *Cia. das Letras* (1993).

Witt, Susanna. “Arts of Accommodation: The First All-Union Conference of Translators, Moscow, 1936, and the Ideologization of Norms.” *The Art of Accommodation: Literary Translation in Russia*. Bern: Peter Lang, 2013: 141–184.

Wolf, Mauro. *Teorias da Comunicação*. Lisboa: Editorial Presença, 1987.